

МАРИЯ
БРИКЕР

КОЛЛЕКЦИОНЕР
ЗАКРЫТЫХ КНИГ

Детективные тайны Марии Брикер

Мария Брикер

Коллекционер закрытых книг

«ЭКСМО»

2011

Брикер М.

Коллекционер закрытых книг / М. Брикер — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52441-9

Она просыпалась в холодном поту от собственного крика и потом долго не могла уснуть – завернувшись во влажную простыню, смотрела на низкие звезды и пыталась стереть из памяти остатки кошмара. Его виновницей стала красивая рыжеволосая девушка, которая упала на камни с высокой скалы и разбилась прямо на ее глазах. Все произошло быстро и нелепо! Сначала был шок и удивление, потом пришло осознание, насколько жизнь хрупка... Когда Эмма это поняла, в ее сердце поселился страх, превративший жизнь девушки в ад. Она даже поступила на психфак, надеясь справиться со своими фобиями и помогать другим, но выбраться из пропасти самостоятельно никак не получалось. Так Эмма оказалась в салоне модной столичной целительницы – матушки Кассиопеи – и... с ужасом узнала в ней погибшую девушку

ISBN 978-5-699-52441-9

© Брикер М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Брикер

Коллекционер закрытых книг

От автора:

Настоящая история является вымыслом от начала до конца. Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение фамилий и имен героев.

Страх – болезнь, расслабляющая душу, как расслабляет тело физический недуг.

Даниэль Дефо

Пролог

Она зачерпнула ладонями изумрудную воду и принялась. Ей нравилось улавливать настроение моря. Вчера оно сердилось и пахло ветром, йодом. Сегодня – теплыми ракушками и можжевельником, потому что успокоилось, разнежилось. Но могло и закапризничать в любой момент. Умывшись прохладной водой, она села на берегу и с опаской обернулась. Извилистая тропинка терялась в гуще пестрых деревьев и была пустынна. Зря она паникует. Все заняты на съемках, никто сюда не придет. По крайней мере, в ближайший час. Она торопливо сорвала широкополую шляпку, заправила за уши длинные каштановые кудряшки и растянулась на теплой гальке, жмурясь от солнца и шепча.

– Я немножко, совсем чуть-чуть... Никто не увидит...

Но расслабиться никак не получалось. Воображение рисовало злую физиономию Гольянова. Вредный режиссер строго-настрого запретил загорать. Какая досада, что по сценарию ей отведена роль анемичной болезненной девочки десяти лет. Пришлось постоянно мазать кожу толстым слоем солнцезащитного крема, носить закрытую одежду, прятаться под пошлыми ажурными зонтиками и глупыми шляпами, торчать на закрытой веранде или в саду, в тени виноградников и абрикосовых деревьев. Все лето быть рядом с морем и ни разу не поваляться на горячей гальке в купальнике – как это несправедливо! А ведь так приятно чувствовать солнце на щеках и обветренных губах!

Только возражать Гольянову бесполезно. Режиссер страшен в гневе. Довольно с нее подзатыльников за перепутанный текст и пендаля за дурной язык, от которого летела со свистом несколько метров, а потом, упав, все коленки расцарапала о камни. Обидно до жути! Что она такого сделала? Режиссер вдруг решил, что сцена на диком пляже выглядит недостаточно натуралистично, и попросил ее искупаться нагишом. В ответ она пошутила: ради искусства готова на все, но очень сильно сомневается, что эпизод с ее обнаженной натурой украсит картину. Кому интересно смотреть на плоскогрудую девочку без трусов? Гольянов отчего-то воспринял шутку как личное оскорбление. Орал так, что распугал птиц и зевак с пляжа, потом отправил раздеваться. Желание шутить пропало.

Она в самом деле была готова на все, но вовсе не ради искусства, а ради мамы, которая строго наказала во всем слушаться Гольянова. Родительница мечтала, что ее бестолковая глупая дочь сделает в своей непутевой жизни хоть что-то хорошее. Надежду мамы хотелось оправдать, но стоять обнаженной перед другими людьми было неловко и страшно, тряслись руки и коленки. Она сутулилась, пыталась прикрыть грудь волосами, никак не могла войти в роль. Гольянов злился, вопил и продолжал над ней издеваться, снимая дубль за дублем. Лучше бы вместо ора убрал лишних людей со съемочной площадки. Глупый бесчувственный чурбан!

Ну да, ее героине по сценарию десять лет, а самой-то ей уже двенадцать с половиной. Роль маленькой девочки досталась ей из-за чрезмерной худобы, невысокого роста и природной робости, но она уже полгода официально девушка, и грудь у нее болит, а в душе бушуют совсем не детские страсти. Взрослые проблемы поселились внутри ее детского тела месяц назад. Она утатила у одной из актрис книгу Стефана Цвейга, погрузилась в новеллы о любви и испытала такие необычные чувства, что чуть с ума не сошла от стыда. Тело вело себя так странно! Оно словно проснулось и рассказало, какие удивительные секреты хранит в себе. Большое спасибо! Лучше бы молчало, потому что теперь совершенно непонятно, как дальше жить и что теперь со всем этим добром делать.

Гольянов не был исключением. Все остальные тоже считали ее малолеткой и обращались с ней как с дитем неразумным. Обсудить сделанные открытия оказалось решительно не с кем. Она чувствовала себя одинокой, и в редкие свободные минуты сбегала сюда, на дикий пляж, чтобы рассказать свои секреты морю. Море понимало ее с полуслова и утешало шепотом волн.

Вспомнив неприятный эпизод с наказанием, она вновь ощутила тревогу и потянулась за шляпкой, но рука, не добравшись до головного убора, безвольно замерла на полпути. Расставаться с солнцем не хотелось. Еще чуть-чуть... совсем немножко... Съемки фильма почти подошли к концу, сентябрьское солнце побледнело на фоне ярких осенних красок, обветрилось, стало ласковым, как котенок, вполне возможно позволить себе немного позагорать! В конце концов, даже ее анемичная героиня, вынужденная из-за гадов-сценаристов сидеть дома, читать книжки и беседовать на философские темы с занудным соседом, просто не могла не загореть, проведя целое лето в Крыму.

Щеки запыхали, юная актриса села и недовольно нахлобучила на голову шляпу. Изнеженная тенью кожа отвыкла от солнечных лучей. Не дай бог, нос обгорит. Тогда Гольянов ее прибьет и скажет, что так и было.

Море, словно почувствовав перемену настроения девочки, заволновалось. Ветер брызнул в лицо соленой водой, резко похолодало. По коже поползли гадкие мурашки. Она приблизила к глазам руку, пристально разглядывая мелкие пупырышки и вставший светлый пушок. Когда ее охватывал страх, мурашки тоже оживали и неприятно ползали по рукам. Причем в последнее время оживали все чаще. Особенно по ночам. Она просыпалась в холодном поту от собственного крика, а потом долго не могла уснуть, тряслась от озноба, завернувшись во влажную простыню, смотрела на низкие звезды и пыталась стереть из памяти остатки кошмара.

Виновницей кошмаров стала красивая рыжеволосая девушка, которая на ее глазах упала на камни со скалы и разбилась. Все произошло так быстро и нелепо. Сначала были шок и удивление. Потом пришло осознание, насколько хрупка жизнь и что с каждым в любой момент может приключиться несчастье. Даже здесь, в волшебной стране, где ультрамаринное море каждый день целуется с солнцем, где кипарисовые шпильки протыкают белоснежную вату облаков и сосны похожи на сказочных великанов, где смоковница с глухим стуком роняет сочные плоды прямо на крыши дачных домиков, а густой воздух пахнет хвоей, пряными травами и медом. Здесь, в этой сказочной стране, оказывается, тоже можно умереть! Когда она это поняла, в сердце поселился страх.

За спиной послышалось шуршание гальки, и девочка резко обернулась. В нескольких шагах стоял красивый загорелый мужчина.

– Здравствуй, солнце! – сказал он и присел без разрешения рядом, как старый знакомый.

Его темные волосы блестели на солнце, глаза отражали цвет осеннего моря, а пахло от него мускусом, кедровыми орешками и солью. Некоторое время мужчина беззастенчиво рассматривал ее, потом достал из кармана округлое стеклышко, протянул его ей на ладони и серьезно произнес:

– Это тебе! Кусочек счастья.

Она взяла свой кусочек счастья и посмотрела сквозь него на солнце – небо, облака и ее душа окрасились в оранжевый цвет, внутри стало тепло, и мурашки куда-то исчезли.

Глава 1

ДЕВУШКА-ЛЮБОВЬ

Пять лет спустя, наши дни. Москва, март

«Москва – кошмарная архитектурная какофония», – подумал Варламов, остановившись у бронзового Энгельса, обреченного вечно смотреть на храм Христа Спасителя.

– Поделом тебе, – сказал Иван Аркадьевич памятнику и, распугав тростью стайку воркующих на площади голубей, заспешил к перекрестку.

Весна набирала обороты, хрустела под ногами скользкими лужицами, рыхлила сугробы, брызгала в прохожих талой водой. Щедро брызгала, и Варламов поморщился, глядя на заляпанную грязью ботинки и подол длинного кашемирового пальто. Давненько он не был в Москве. Забыл, что в это время года чистить обувь перед выходом на улицу бессмысленно. Впрочем, неважно. Не на свидание ведь с женщиной идет – Господу все едино.

Полтора года он мечтал оказаться здесь, войти в двери храма Христа Спасителя, зажечь мягкую восковую свечу и покаяться во всех грехах, что тяжким грузом давили на сердце. В Копенгагене, где режиссер жил последние несколько лет, покаяться было решительно негде. Католические соборы, прохладные и гулкие, воспринимались как городские достопримечательности. Готические своды, витражные окна, фрески, каменные изваяния оставляли сердце равнодушным и не дарили надежду на спасение души. Не тянуло его и в православный приход в датской столице, в церковь Александра Невского. Для покаяния Ивану Аркадьевичу нужно было ощутить себя дома, а Копенгаген родным так и не стал.

Храм Христа Спасителя снился ему во сне, манил, тревожил мелодичным перезвоном колоколов, но режиссер медлил с возвращением. Страшно было окончательно признать, что он, отомстив за смерть любимой женщины, совершил грех[1]. Мечь не приносит облегчения, а лишь испепеляет душу. Он осознал это давно, но упрямо шел неверной дорогой и пытался искупить свою вину, налаживая чужие жизни и делая других счастливыми. Радость от удачи очередного реалити-шоу, воплощенного в жизнь по его сценарию, приносила лишь временное облегчение, потом душу снова грызла боль, и Варламов все глубже увязал в болоте отчаяния. Он все делал неправильно! В итоге потерял женщину, с которой мечтал создать семью. В Леночке, Елене Петровне Зотовой, он видел надежду на уютное счастье, но та не приняла правила его игры и выставила вон из своей кристальной жизни. «Права, да, права была Лена. Играть человеческими судьбами непозволительно даже во благо», – рассуждал он сейчас, шурясь от солнечного света. Что ж, пришла пора все исправить. Господь милосерден – простит, ведь он искренне раскаялся.

Варламов остановился у светофора, пропуская поток машин и замороженно глядя на игру золота и солнца на куполах храма. До спасения оставалось всего несколько метров. Сердце отчаянно забило от волнения. Загорелся зеленый, Иван Аркадьевич торопливо ступил на проезжую часть, сделал пару шагов, но неведомая сила отшвырнула его обратно на тротуар.

– Ой, простите, ради бога! Простите, пожалуйста! Задумалась... – пролепетала невысокая хрупкая девушка, которая секунду назад впечаталась носом ему в грудь.

Варламов вытаращился на незнакомку и пошатнулся от нахлынувших воспоминаний. Перед ним, робко улыбаясь, стояла ЛЮБОВЬ. Та любовь, из-за которой он стал великим грешником. Та любовь...

Та любовь – нескладная, угловатая, невыносимо милая – была мучительно юной и недоступной. Носила клетчатые юбочки-плиссе, вязаные свитера под горло, длинные каштановые кудряшки, берет и нелепые очки. Постоянно засыпала в трамвае по дороге в институт. Теряла зонтики, перчатки и ключи. Любила сказки Андерсена, стихи Мандельштама и Бродского,

клубничный блеск для губ, теплое молоко на ночь и Ванессу Мэй. Он трусливо сбежал от нее, но незримо опекал издалика.

Прошли годы. Однажды она решила поехать к родителям за город, неудачно поймала попутку, поссорилась с водителем и оказалась одна на шоссе. Ее нашли под утро. Рядом с телом – мятый чек с соседней заправочной станции, следы от ботинок на подмерзшей земле, на дороге – следы протекторов шин.

Он подключил лучших профессионалов и свое воображение, чтобы детально воссоздать произошедшее, найти убийцу и отомстить.

Отомстил. И превратил свою жизнь в ад...

Девушка неуклюже поправила съехавший набекрень берет, присела, схватила оброненную перчатку, стряхнула с нее грязную воду на пальто режиссера, неловко сунула в карман – и выронила книгу.

Варламов поднял с мокрого асфальта глянцевый томик, с удивлением взглянул на обложку (Эрик Берн, «Вступление в психоанализ») и передал задумчивой барышне.

– Благодарю, – кивнула девушка, неловко приняла книгу, сунула под мышку и засемила в сторону станции метро.

Иван Аркадьевич проводил взглядом хрупкую фигурку, кинул взор на сверкающие купола храма Христа Спасителя и торопливо пошел вслед за девушкой, боясь упустить ее из вида. О своем спасении он позаботится чуть позже, сейчас главное – ОНА. Не случайно Господь столкнул его нос к носу с прошлым. Это знак свыше и шанс не молитвой, а делом исправить свои прошлые ошибки.

В вестибюле станции оказалось так многолюдно, что с непривычки у режиссера закружилась голова. В метро он не был лет двести, передвигаясь по городу исключительно на арендованной машине с шофером. Незнакомые лица, знакомые запахи, суэта, суэта, суэта... Варламов шарил взглядом по толпе, но девушки нигде не было. В отчаянии он бросился к турникетам, сунув бдительной контролерше сто рублей, бегом спустился вниз. С момента, как он упустил знакомку, прошла минута, не больше, на перроне клубился народ. Уехать она не могла, но словно растворилась в воздухе.

Прогрохотали поезда и унесли пассажиров, станция заполнилась новыми, а Иван Аркадьевич все стоял и выискивал в толпе хрупкую фигурку. От ощущения потери чего-то судьбоносного зануло сердце и стало трудно дышать.

Спустя пятнадцать минут, поняв бессмысленность ожидания, Варламов поднялся на эскалаторе наверх и вышел на улицу. Март дохнул в лицо тоскливой безнадежностью и выхлопами проезжающих машин. Навалилась апатия. В храм идти с таким настроением не хотелось, ехать в ненавистный отель подавно. Гостиницы режиссер терпеть не мог, съемные квартиры тем более – чужая энергетика мешала расслабиться. Мелькнула мысль напроситься в гости к Лене. Зотова, конечно, вредная женщина, но сердобольная. Полтора года прошло, она, поди, забыла обиды и примет как друга.

Размышляя, в какой супермаркет лучше заглянуть, чтобы забить вечно пустой холодильник несостоявшейся жены деликатесами, Иван Аркадьевич побрел по Гоголевскому бульвару в сторону Знаменки, где его дожидалась машина с водителем. Но не дошел. Остановился, не веря своим глазам. Незнакомка с несчастным видом сидела на лавке, недалеко от памятника Гоголю, щурилась от солнечных лучей и меланхолично потрошила батон хлеба, корочки отправляла себе в рот, сдобную мякоть – ошалевшим от счастья голубям.

Как же так получилось, что барышня оказалась на улице? Вероятно, когда режиссер вошел в двери подземки, она вышла из метро на улицу. Передумала ехать? Решила прогуляться? Или телефонный звонок изменил ее планы? Варламову все было о ней интересно.

Иван Аркадьевич опустил на соседнюю лавку и вздохнул с облегчением. Господь дал ему еще один шанс! Ну уж больше он не выпустит девушку из вида. По крайней мере, в бли-

жайшие несколько недель, которые режиссер отвел на сбор материала, полный анализ характера и окружения объекта, написание сценария и воплощение его в жизнь.

Варламов, украдкой разглядывая милый профиль незнакомки, тонкие кисти и музыкальные пальчики, пытался угадать ее имя. Катя, Люся, Ксюша, Настя? Кристина, Диана, Полина? Валя, Ира, Маша? Он перебрал мысленно массу имен, но ни одно к девчонке не прилипло. Все отскакивали от образа, как шарики пинг-понга. Без сомнения, у этой особенной девушки нетривиальное имя, но «поймать» его не получалось. Зато получилось другое. Сейчас, когда он рассмотрел незнакомку, откинув мысли о прошлом, стало очевидным: на его давнюю платоническую любовь барышня походит лишь отдаленно. Но интереса к ней Варламов не потерял. Напротив, еще больше загорелся идеей изменить ее жизнь. Даже издалека чувствовался надлом в душе прелестной девушки, словно она оступилась и теперь падала в пропасть. Иван Аркадьевич решил все исправить и крепко поставить ее на землю.

– Эмма! – раздался рядом звонкий женский голос.

Мимо режиссера к памятнику Гоголю, звеня браслетами и серьгами, шагала дама в сиреневых сапогах на шпильках, с космическим макияжем и красным хаером, направляясь напрямиком к предмету его интереса. Девушка, завидев даму, вскочила, выронив батон из рук. Но голуби на добычу не ринулись – надвигающийся огненный вихрь распугал все живое на километр в округе.

– Эмма! Я же просила тебя ничего не есть перед визитом к Матушке Кассиопее!

– Не кричи, мам, – одними губами сказала девушка, сконфуженно покосившись на Варламова.

Иван Аркадьевич сделал вид, будто безмерно увлечен созерцанием неба, отметив про себя: судя по рассеянному взгляду и выражению лица, барышня его не узнала. Авангардная же дама продолжила громко отчитывать дочь:

– Пойдем быстрее, опаздываем уже! В метро ей, видите ли, страшно одной спускаться. Миллионы людей ежедневно мотаются на работу и с работы, и ничего.

– Не в том дело, мама... – попыталась возразить Эмма. Но родительница явно ее не услышала.

– Я устала от твоих причуд! Такси бы поймала! Жду ее, жду, как идиотка... Ради тебя с работы сорвалась, а у меня клиенты. Если хочешь знать, в автомобильных авариях погибает гораздо больше людей, чем... – Яркая мадам умолкла, очевидно, уловив противоречие в своих словах. – О чем это я? Ах да! Машину я бросила на Фрунзенской, у дома Кассиопеи. Пробки сегодня нереальные. Придется нам все-таки прокатиться пару станций на метро.

– Эмма... – смакуя на языке имя, прошептал Иван Аркадьевич, проводив взглядом удаляющихся мать с дочерью. Нежное, обволакивающее сочетание звуков ласкало слух и вызывало приятные ассоциации с чем-то мягким, зефирным и в то же время глубоким и чувственным.

Варламов поднялся с лавочки, с хрустом потянулся и направился в противоположную сторону к своей машине. Ему незачем светиться рядом с объектом в метро, в дальнейшей слежке нет надобности. Информации теперь достаточно, чтобы выяснить о девушке с довольно редким именем все. И на Фрунзенскую он обязательно заедет, попозже. Интересно, за каким лядом экзальтированная родительница скромной Эммы потащила дочь к известной среди столичного бомонда провидице по имени Матушка Кассиопея? Ошибки быть не могло – именно к ней направились дамы, потому как, судя по авангардной одежде, мать Эммы принадлежала к творческой богеме и вращалась в этих кругах.

Глава 2

КАССИОПЕЯ АНДРЕЕВНА

Часы приема модной целительницы были расписаны на недели вперед, но Варламов благодаря протекции влиятельной знакомой оказался в приемной Матушки Кассиопеи уже утром следующего дня. Чего ожидать от встречи, режиссер не знал и перед визитом немного нервничал.

– Извольте присесть, – приняв у него пальто, проскрипела сгорбленная длинная бабка в серой кофте, пышной юбке и цветастом платке, завязанном по старинке.

Было в ней что-то театральное, словно она намеренно изображала из себя этакую рухлядь, горбилась и шаркала ногами. На неискушенную публику, возможно, впечатление «секретарша» и производила, создавала, так сказать, мистическую атмосферу, но Варламова ее вид просто забавлял. «Старуху» выдавали глаза, молодые и хитрые. Иван Аркадьевич усмехнулся. Если помощница Кассиопеи такая вот вековая труха, то как же выглядит сама Матушка?

О целительнице Варламов был наслышан, но встречаться с нею ему не доводилось. Кассиопея вела скромный образ жизни, на светских раутах не появлялась, как большинство модных целителей и прорицателей, и свою жизнь окружила ореолом загадочности.

Режиссер уселся на диванчик в небольшой прихожей и огляделся. В приемную целительницы вела двухстворчатая дверь, занавешенная тяжелыми бархатными портьерами с золотой бахромой. На стенах – красные шелковые обои с золотым тиснением, на полу – вишневая ковровая дорожка. Интерьер давил вычурностью, но миссию свою выполнял – создавал ощущение тайны.

Запах свечей и благовоний щекотал нос. Иван Аркадьевич шумно высморкался, с раздражением взял с журнального столика свежую газету и пролистнул. Настроение было скверным. Не любил он всех этих экстрасенсов, гадалок и прочих оракулов. Испытывал к ним неприязнь, которая возникла не на пустом месте.

Когда Варламов был еще совсем зеленым амбициозным юношей и только собирался покорить мир, ему довелось столкнуться с одной старой цыганкой. Развивались события по стандартному сценарию: гадалка попросила позолотить ручку в обмен на правду о будущем. Денег у молодого человека было ровно на обед, но любопытство пересилило голод. Он выгреб из кармана горсть мелочи и ссыпал на морщинистую ладонь. Цыганка с довольным видом спрятала деньги, потом взглянула на руку Варламова и – отшатнулась от него как от чумы, заковыляла прочь, шепча себе под нос что-то на своем языке.

Негодую, что чернобровая его обманула – деньги взяла, а обещание не выполнила, – Иван хотел было ринуться следом, но с места сойти не смог, ноги словно приросли к земле. Так и стоял истуканом, пока цыганка не исчезла из вида. Злость прошла, когда он сунул руку в карман и обнаружил там деньги, все до единой копейки, которые отдал за предсказание. Но вместо радости душу сковал ледяной страх. Что такого ужасного прочитала гадалка по его руке? Почему не стала ничего говорить, вернула деньги и скрылась?

Вскоре Варламов узнал, что цыганки порой отказываются гадать, если видят на ладони скорую смерть, и жизнь его в одночасье превратилась в ад. Иван боялся умереть и несколько лет жил как крот в норе, опасаясь ослепнуть от солнца. Но солнце манило к себе. Устав бояться, он разозлился и начал действовать – работал как вол, чтобы все успеть, развлекался, словно в последний раз, рисковал, как глупый юнец. Жизнь наполнилась яркими красками, событиями, людьми – но страх был с ним всегда, мешал строить планы на будущее, ломал характер, подстраивал под себя. Только после пятидесяти он победил страх, успокоился, расслабился и перестал бояться смерти. К тому моменту он уже стал знаменитым на весь мир режиссером.

Возможно, своей славой Варламов и был обязан гадалке – живя одним днем как последним, он успел очень многое. Но взамен получил одиночество. Разве можно стать счастливым, не имея семьи и детей? Все бы, наверное, сложилось иначе, не встретить он на своем пути ту старуху.

– Матушка Кассиопея готова вас принять, – вырвал Ивана Аркадьевича из раздумий скрипучий голос «секретарши».

Варламов кивнул и вошел в распахнутую дверь. В комнате стоял полумрак и было так дымно, что глаза заслезились. Целительница сидела глубоко в кресле с высокой спинкой, пламя свечи освещало лишь ее силуэт.

– Деньги положите в комод и присаживайтесь, – деловито сказала ведунья. Голос у нее был молодой, мягкий и завораживающий.

Варламов положил в ящик комода несколько купюр, сел, вытер платком глаза и хмуро уставился на силуэт провидицы. А та вдруг подалась вперед, он увидел ее лицо и с удивлением воскликнул:

– Оля?

– Иван Аркадьевич? – пискнула Кассиопея, страшно смутилась, снова скрылась в полумраке кресла, но тут же взяла себя в руки и позвонила в колокольчик.

Дверь распахнулась мгновенно – помощница явно подслушивала.

– Марьяна, принеси коньяка и чаю с мятой, – попросила ведунья у скрипучки.

– Хорошая у тебя память, – улыбнулся Варламов, вытянул ноги и расслабленно посмотрел на Матушку Кассиопею, по паспорту Ольгу Колесникову, бывшую студентку ВГИКа, где она обучалась вовсе не целительству, а актерскому мастерству.

Во ВГИК Варламова, как режиссера с именем, пригласили прочитать несколько лекций. На Колесникову он обратил внимание сразу: яркий типаж, харизма, необычайная уверенность в себе и нестандартная красота. Ольга была так талантлива, что Варламов пригласил ее на пробы в свою новую картину. Правда, в итоге роль получила другая актриса, но с Колесниковой они расстались хорошими друзьями. Несколько раз они пересекались за чашкой чаю в кафе, беседовали о кино и литературе. Варламов, страстный обожатель кофе, в то время пил чай с мятой, чтобы вновь подружиться со взбунтовавшимся желудком. Нервотрепный был период! Обострение гастрита, творческий кризис и кризис среднего возраста – все смешалось в кучу. Ольга зажгла в нем новую искру, подарила порцию вдохновения и избавила от всех кризисов разом. Окрыленный ее свежестью и молодостью, он уехал в Европу, ушел с головой в работу – связь с Колесниковой прервалась сама собой.

Пару лет назад Иван Аркадьевич снова вспомнил о талантливой актрисе: типаж Колесниковой идеально подходил под роль в новом проекте – позвонил ей, но ее номера телефона больше в природе не существовало. Ассистенты Варламова Ольгу тоже не нашли.

«Жаль, что кинокарьера у такой перспективной актрисы не сложилась. Видно, гонору слишком много было и захотелось легких денег и славы», – размышлял Иван Аркадьевич.

Целительница хмуро смотрела на него и размышляла о чем-то своем. Ольга сильно изменилась. Перед режиссером сейчас сидела бледная копия той прелестной рыжеволосой девушки с синими глазами, которую он знал. Словно кто-то ластиком стер цветовую палитру с ее лица и волос.

– Не в этом дело, – вдруг нахмурилась ведунья. Ее рука взмыла вверх, как крыло раненой птицы, и снова легла на плед, укрывающий колени женщины. – Все было совсем не так, как вы думаете.

Варламов хотел что-то сказать, но вошла старуха с подносом и, грохнув его на стол, занялась сервировкой. Бокал коньяка поставила напротив Ивана Аркадьевича, старательно расставила на столе вазочку с печеньем, тарелки с надломанной плиткой шоколада и ломтиками лимона, две чашки ароматного чая.

– Почему один бокал? – с раздражением спросила Ольга.

Старуха плотно сжала губы и тенью выскользнула из комнаты.

– Вот сволочь старперская. Блюдет меня, как младенца, – сварливо пробормотала Матушка Кассиопея.

В ее глазах промелькнула такая боль, что Варламов похолодел. Господи, как же он сразу не понял, что она больна! Восковое лицо, исхудавшие руки, потускневшие волосы, гладко зачесанные назад, фигурка, укутанная в теплую кофту, плед на коленях, вспышки раздражения и взгляд уставших глаз – все говорило о серьезных проблемах со здоровьем.

– Что случилось? – спросил Варламов, плеснув в чашку с чаем коньяк.

– Да по дурусти все, – отмахнулась Ольга.

Женщина налила коньяка из бокала Варламова себе в чай, обхватила ладонями чашку, с наслаждением пригубила ароматный напиток и посмотрела сквозь Ивана Аркадьевича, собираясь с мыслями. Варламов молчал, ждал, когда Колесникова будет готова выложить правду о своей беде.

– После вашего приглашения на пробы на меня предложения посыпались как из рога изобилия, – наконец тихо заговорила Ольга. – Я отказывалась. Все было не то, хотелось чего-то значительного. Избаловали вы меня, Иван Аркадьевич, разговорами о великом кино. И потом, вы же знаете, как преподаватели относятся к студентам, которые, не закончив обучение, срываются на съемки. На четвертом курсе я сдалась – захотелось окунуться в тайны съемочного процесса. Славы захотелось до зубовного скрежета. Предложение одного молодого, но очень перспективного режиссера я восприняла с восторгом. Сценарий тоже порадовал, свежий и нестандартный. Картина обещала стать культовой. Кастинга не было, меня утвердили на роль сразу, без проб. Через неделю вместе с другими актерами и съемочной группой я уже была в Крыму, где планировалось снимать натуру. Море, солнце, скалы – все было восхитительно. Нас поселили на старой даче, принадлежащей кому-то из бывших партийных аппаратчиков. Там же должна была проходить основная часть съемок. Планировалось на следующий день начать работу, но вышла заминка с получением разрешения. Съемочная группа и актерский состав – сплошь молодой. Понятное дело, ветер у всех в башке свищет. Выпили домашнего вина, накурились травы и на подвиги потянуло. Кто-то бросил клич на «тарзанке» развлечься. Идею поддержали. Но когда дело дошло до прыжка – запал у всех моментально прошел. И тут режиссер и две актрисульки принялись меня подначивать – роль-то мне досталась отморозенной экстремалки. По жизни мне без всяких экстримов адреналина хватало, но я моментально перевоплотилась в свою героиню и бесстрашно полезла в петлю. Все улюлюкали и хлопали в ладоши. Только один человек попытался меня остановить, но я не послушала. Дальнейшее не помню, память сохранила лишь ощущение свободного полета. Очнулась в больнице, в реанимации. Как оказалось, в коме провалялась три месяца. Мне рассказали, что «тарзанка» оборвалась, а страховочный трос по каким-то причинам не пристегнули. Я упала на камни с высоты десяти метров и просто чудом выжила. Хотя лучше бы разбилась насмерть, – грустно улыбнулась Колесникова. – Я уже никогда не смогу ходить, и вообще весь мой организм – труха.

– Оля, мне очень жаль, – с сочувствием сказал Варламов.

– Оля умерла, вместо нее на свет появилась Кассиопея. Жалеть меня не надо, – жестко произнесла ведунья. – Для человека, которого собрали по частям, я живу замечательно, не жалею. Вижу, вас волнует, как я стала целительницей? – Женщина усмехнулась, глядя на режиссера в упор. – Пока лежала в больнице и потом несколько долгих месяцев восстанавливалась в реабилитационном центре, прочитала массу книг по медицине. Все надеялась, что смогу себя на ноги поднять. Не вышло. Но знания я получила колоссальные, грех было их не применить. Стать светилом традиционной медицины мне, ясное дело, не по силам, а под маской целительницы вполне реально могу помогать другим освобождаться от душевных недугов и хворей. Чем я и занимаюсь. Люди у нас врачам не доверяют, прутся к гадалкам, ясновидящим и оракулам за помощью, так что мое дело процветает.

– Да, наслышан о твоих уникальных способностях. Молодец, Оля. Удивительная сила воли у тебя. С нуля начала и поднялась.

– Сама бы не осилила. Помог бывший парень, дал денег на раскрутку. Откупился от меня, – сказала Колесникова и тяжело посмотрела на Варламова. – Я его не виню, просто к слову пришлось. Молодой, красивый, здоровый, вся жизнь впереди – зачем на свои плечи такую обузу вешать, – ровным голосом сообщила бывшая актриса. И вновь ожила, вернувшись к рассказу о своем деле: – Я наняла помощницу, сняла подходящую квартиру, переделала ее под салон, сочинила красивую легенду, напустила таинственности, придумала звучный псевдоним. Упор сделала на творческую элиту, разослала персональные приглашения некоторым известным особам, тем, кто постоянно посещал гадалок и прочих оракулов. Сработало! Несколько человек откликнулись на приглашение. А дальше – дело техники, как говорится. Психологию творческой личности я знаю очень хорошо, актерские способности помогают расположить к себе людей, а от витаминов, целебных трав и душевного разговора еще никто не умирал. Клиенты от меня уходят окрыленные и рекомендуют меня своим друзьям. Людей с серьезными недугами строго отправляю к врачам. Так и живу. Бывает, знакомые из прошлого заглядывают, ребята, с которыми училась во ВГИКе. Интересно наблюдать, как у кого судьба складывается. Некоторые стали известными актерами, много снимаются, а кто-то собирает, так сказать, объедки с барского стола.

– Знакомые верят, что у тебя открылся дар?

– Знакомые понятия не имеют, кто скрывается за маской Матушки Кассиопеи. Я завела каталог с фотографиями, куда занесла всех, кто может меня узнать. Марьяна «сканирует» посетителей и заранее готовит меня к приходу нежелательных гостей. Я прячусь. – Ольга смущенно рассмеялась. – Проколов с узнаванием до настоящего момента не случилось.

– Выходит, меня в твоем списке нет? – спросил Иван Аркадьевич.

– Нет. Когда мне вас рекомендовали, имя не назвали, сказали культовый заморский режиссер. Я даже представить себе не могла, что этим режиссером окажетесь вы. Поэтому и вылезла из тени. – Колесникова улыбнулась, выпила чай до дна и откинулась в кресле, лицо ее снова растворилось в темноте. – Зачем вы пришли? Понятно, что не гастрит лечить. К слову, травки я вам дам, пропьете курс, легче с желудком станет. А если курить бросите...

– Поздно, радость моя, мне курить бросать. А вот от травок не откажусь, спасибо, – рассмеялся Иван Аркадьевич.

Он испытывал смешанные чувства. Откровенный рассказ Ольги вызвал в душе, с одной стороны, жалость и уважение, что молодая женщина не сломалась и нашла себя. Но с другой, несмотря на искреннюю симпатию к бывшей студентке, – режиссер не мог побороть неприятие сомнительной деятельности целительницы. Как ни крути, актриса использует свой талант, данный Богом, совсем не по назначению, чтобы запудрить несчастным людям мозги ради собственной выгоды. Значит, аукнется ей когда-нибудь, да так, что полет с «тарзанки» покажется в сравнении не самым трагичным эпизодом жизни.

Была еще одна проблема, которая выбила Варламова из равновесия. К целительнице Кассиопее он шел с деньгами, решив банально выторговать нужную информацию. Ольге предлагать деньги в обмен на необходимые сведения было неловко.

– Иван Аркадьевич, голубчик, не стесняйтесь, рассказывайте наконец, что вам от меня понадобилось, – с некоторым раздражением сказала Колесникова.

Иван Аркадьевич виновато пожал плечами.

– Вчера вечером к тебе на прием приходила девушка по имени Эмма со своей матерью. Мне крайне необходимо знать, с какой проблемой она к тебе обращалась.

– Зачем? – сухо спросила Колесникова.

– Хочу ей помочь.

– Какое совпадение... И я хочу. – Кассиопея смягчилась, подалась вперед, и Варламов снова увидел ее болезненное лицо в слабом свете свечи. – Простите, но, при всем к вам уважении, я не имею права выдавать тайны своих клиентов. Иначе грош мне цена.

– Понимаю... Что ж, извини, что отнял у тебя время. – Иван Аркадьевич поднялся.

– Сядьте! Уж и пококетничать нельзя, – обиженно поджав губы, усмехнулась Ольга. – Знаю, что моя откровенность во вред этой девчонке не пойдет. Я все вам расскажу. Только одно условие.

– Другой разговор. Что желаете, леди? Исполню, как говорится, в лучшем виде.

Варламов улыбнулся и уселся обратно на стул, но в душе напрягся. Что-то переменялось в его бывшей ученице. В лице, в глазах. В одно мгновение она стала чужой.

– Вы мой кумир, Иван Аркадьевич. Я внимательно следила за вашей карьерой. Я знаю о вас все. Знаю, чем вы в последние годы занимались. Откройте тайну, как вам удастся делать людей счастливыми против их воли? Ведь первое условие счастья – это желание!

– Любой человек мечтает о счастье, – с удивлением произнес режиссер, не понимая, почему Ольга спрашивает о таких прописных истинах. – Просто не каждый понимает, что ему для счастья необходимо, – уточнил Варламов. – К примеру, человек хочет добиться успеха, сделать карьеру, но это не принесет ему в итоге ничего, кроме разочарования. А на самом деле ему нужна семья и тихая гавань. Вглядевшись в человека внимательно, можно легко понять его истинное предназначение. Чистая психология, никакой мистики.

– Неправда! – с жаром возразила Ольга. – Знания психологии для достижения правильных результатов недостаточно. Вы обладаете настоящим магическим талантом переписывать чужие судьбы. В итоге ваших манипуляций человек получает именно то, что ему нужно. Как вы это делаете, Иван Аркадьевич? – Женщина пытливо посмотрела в глаза Варламова. – Раскройте секрет. Научите меня. А я, в свою очередь, выдам вам полное досье на Эмму. И вообще сделаю все, что пожелаете.

– Оля, милая, ты это и без меня умеешь, – устало сказал режиссер.

Колесникова начала его утомлять. Что за бред! С какой стати он должен обучать ее виртуозности ремесла? Мозги пудрить людям бывшая актриса и без него неплохо умеет. Еще и условия ставит... Варламов терпеть не мог таких вещей. Он вполне обойдется и без ее информации. Ну, потратит чуть больше времени. Спешить в его деле нет нужды.

– Клиенты уходят от меня с надеждой на лучшее, только и всего, – продолжала Ольга, не заметив перемены в лице режиссера. – А потом, проведя некоторое время в эйфории, люди делают те же самые ошибки, теряют точку опоры и приходят вновь за порцией надежды. Просто порочный круг какой-то. Я хочу его разорвать, но у меня ничего не получается. А у вас получается все.

– Оля, еще раз повторяю: у тебя нет нужды в моей помощи, ты свое дело прекрасно знаешь. Опять же лишняя копейка в копилочку, когда клиенты возвращаются.

– Иван Аркадьевич, деньги меня интересуют в последнюю очередь, – она блеснула глазами.

И Варламов понял все.

– Дура! Власти над миром захотелось? Властительницей душ стать возжелала? – заорал он и встал, отшвырнув стул. – Не много ли на себя берешь? Сначала в своей душе разберись! – Режиссер сделал два глубоких вдоха, чтобы успокоиться, поднял стул и снова сел. Затем взглянул на испуганное лицо собеседницы и смягчился. – Это иллюзия, что у меня все получалось. Я все потерял, все! Оля, милая, кажется, ты не совсем понимаешь... Не лезь туда, куда не следует, мой тебе дружеский совет.

– А мне терять нечего! – заорала теперь Ольга.

Свеча вдруг погасла, и комната погрузилась в темноту. Иван Аркадьевич слышал дыхание Колесниковой – отрывистое, нервное. Чиркнула спичка, дрожащий огонек метнулся к свече, но погас.

– Всего хорошего, Варламов. Без вас обойдусь, – с раздражением произнесла целительница. – Идите же! Убирайтесь вон, пока я порчу на вас сгоряча не навела! Вы меня разочаровали, голубчик. Никогда бы не подумала, что вы боитесь конкуренции.

– Оля, что ты несешь? Уйми гордыню свою, тогда, может быть, поймешь, с кем ты собралась конкурировать. Вовсе не со мной! – устало сказал Варламов.

Но Колесникова его не слышала.

– Раз вы считаете, что я могу все, сама сделаю эту дурочку счастливой. Я справлюсь! Я изменю ее никчемную жалкую жизнь! Сама! Без вашей гребаной помощи! – Бывшая актриса кричала, задыхаясь от собственного крика.

В комнату влетела Марьяна с рюмкой, резко запахло сердечными каплями. Старуха, запрокинув Ольге голову, влила ей в рот мутноватую жидкость, схватила режиссера за шкуру и вышвырнула за дверь с силой, какую трудно было ожидать от столь дряхлого с виду создания. Варламов, в общем-то, и не сопротивлялся. Ему самому хотелось поскорее убраться из душливой атмосферы салона инвалидки-целительницы.

– Порчу она на меня найдет, ведунья недоделанная... – хмыкнул он, спускаясь по лестнице. – Тоже мне, испугала ежа...

Колкая снежная крупа царапала щеки, сырость лезла за воротник пальто – не верилось, что еще вчера мартовское солнце разливалось по Москве ручьями и грело совсем по-летнему. Иван Аркадьевич запахнулся плотнее, намотал на шею длинный вязаный шарф и взглянул на хмурое небо. «Я справлюсь! Я изменю ее никчемную жалкую жизнь!» – каркнула ворона над его головой. Варламов сложил пальцы в кукиш и показал серой, буркнул:

– Не лезь не в свои дела, курица! Хуже будет!

А затем насупился. Однако непорядок, на поле появился незапланированный игрок. Теперь новоявленная провидица станет путаться под ногами и мешать ему. Придется вносить в сценарий существенные коррективы и выводить Кассиопею из игры прежде, чем она наломает дров. Иван Аркадьевич поморщился. Жалко девку, очень жалко, но другого выхода нет. Нельзя допустить, чтобы дилетанты вмешивались в столь хрупкое дело по исправлению жизненного пути.

Глава 3

ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ

Три недели спустя

– Уважаемый Григорий Варламович, не могли бы вы задержаться на пять минут и сообщить мне результаты экспертизы, – сдерживая раздражение, сказала следователь Зотова, глядя с высоты своего роста на кепку-гриб, под которой находилось совершенно несуразное создание.

Создание раздражало следователя по особо важным делам Елену Петровну Зотову по двум причинам. Во-первых, Григорий Варламович Плешнер, новый судебный медик, занял место толстяка Палыча – любимчика Елены Петровны, к которому она, можно сказать, приросла душой, отчего почитала за счастье, когда его дежурство совпадало с ее выездами на место преступления. Вины Григория Варламовича тут не было, поскольку Палыч капитулировал с поста по весьма уважительной причине – оказался в больнице с приступом острого холецистита и сейчас кайфовал в отделении хирургии под капельницами, ожидая операции. Во-вторых, новый судебный медик напоминал Зотовой об одном человеке, о котором она страстно мечтала забыть, – о культовом режиссере и гаде поганом Варламове. В этом вины Григория Варламовича тоже не было, но свою неприязнь к нему Елена Петровна побороть никак не могла.

По скрупулезности Плешнер, пожалуй, переплюнул Палыча, но делал он все так медленно, что приходилось подгонять эксперта чуть ли не пинками. Григорий Варламович наезды следователя реагировал флегматично, чем бесил еще больше. Палыч бы за такое обращение призвал на голову Зотовой гром и молнии, обхамил бы ее и из вредности задержал экспертизу, а этот стоит, понимаешь ли, тарашится на нее желудевыми глазами и изображает на морде интеллигентность, уродец плешивый. Отсутствие волос на голове Плешнера Елена Петровна определила методом дедукции, так как видеть нового судмедика без головного убора ей пока не доводилось. В морге Григорий Варламович надевал медицинский колпак, а на выезды – чудовищную кепку-аэродром, за что и получил прозвище Гриб именно с легкой руки Зотовой.

Гриб страдал рассеянностью и крайне редко подходил к телефону. Вот и сейчас ей пришлось ехать и отлавливать судмедика на рабочем месте, так как сотовый и рабочий телефон Григория Варламовича ее вызовы игнорировал. Зотова столкнулась с Плешнером на пороге морга. Эксперт куда-то торопился, но ему не повезло, потому что Елена Петровна тоже торопилась – ей нужно было поскорее выяснить все обстоятельства смерти восходящей звезды сериального мыловарения Евгении Полярной.

Погибшей актрисе было под сорок, но звезда ее зажглась не так давно – после выхода на экраны сериала с многообещающим названием «Сплетни». Сериал, по мнению Елены Петровны, высокохудожественностью не страдал, актерский состав был ширпотребный, режиссерская и операторская работа оставляла желать лучшего, но рейтинг фильм набрал колоссальный – за счет скандальности темы закулисья шоу-бизнеса с явными отсылками к реальным медиаперсонам. Создатели копнули глубоко и предъявили миру все грязное белье публичных персон. Народ жадно глотал каждую серию, разоблачающую кумиров миллионов, а потом живо обсуждал увиденное в офисах, школах и Всемирной паутине.

Евгении Полярной в популярном сериале выпала роль звезды российской эстрады, страдающей от тирании продюсера, а по совместительству – мужа. Актриса великолепно вжилась в образ и мастерски справилась с игрой, так что сочувствовала ее героине вся огромная Россия. К тому же в отличие от других актеров, чьи образы были несколько размыты, отчего зрителю приходилось угадывать, кто скрывается под маской, Полярная даже без грима была феноменально похожа на своего прототипа. Однако личным сходством и талантливой игрой дело не

ограничивалось. Было в Полярной нечто такое, что заставляло зрителя не только тарашиться на экран, но и восхищаться ею.

За кадром Полярная вела яркую и бурную жизнь: занималась благотворительностью, не пропускала светских тусовок, что привлекало к ее персоне внимание прессы. Она была блистательна и выглядела молодо, свежо, лет на двадцать пять, максимум на двадцать семь. Зотова никогда бы не поверила, что актрисе уже тридцать девять, если бы не заглянула в паспорт.

Слава Евгении Полярной набирала обороты с каждым днем, но все оборвалось самым трагическим образом. Тело актрисы с черепно-мозговой травмой, множественными переломами и разрывами внутренних органов было найдено на набережной под метромостом, около станции «Воробьевы горы», что, по предварительной версии, говорило: женщина упала с большой высоты, предположительно с пешеходного моста. Предстояло выяснить, что стало причиной падения: несчастный случай, самоубийство или убийство, – и сделать это Зотова мечтала как можно быстрее, пока ее саму начальство, поклонники актрисы и представители СМИ не скинули с того же моста.

Талант у Полярной был бесспорным, отчего у Зотовой во время следственных мероприятий периодически случалось даже раздвоение сознания: Елена Петровна вдруг ловила себя на мысли, что расследует не смерть актрисы Евгении Полярной, а трагическую кончину известной певицы. Помутнение рассудка случилось и у начальника Зотовой, полковника Гаврилова. Тот сериал не смотрел, но нежно любил популярную певицу, поэтому к смерти актрисы отнесся, можно сказать, как к личной трагедии. Проверку по факту смерти Полярной Гаврилов взял под свой контроль и надел на Елену Петровну Зотову, требуя немедленных результатов. С другой стороны на следственное управление давили пресса и поклонники обеих дам, певицы и актрисы, но до настоящего момента Зотова ничего не могла предъявить начальнику, средствам массовой информации и народу.

Выяснить, за каким лешим Полярную понесло ночью на мост, пока не удалось. Оперативник Венечка Трофимов «копал» в окружении Полярной и, докладывая следователю о результатах, матюгался в трубку, мол, сериал «Сплетни» свое название оправдывает с лихвой: он нарыл среди коллег актрисы такое количества дерьма о Евгении Полярной, что впору было захлебнуться. Все бы ничего, но полученная информация мало что прояснила. Оставалась надежда на экспертизу, хотя Зотова по опыту знала, что травмы смертельных падений с высоты очень сложны в диагностике и требуют от эксперта специальной подготовки. Но вдруг? Отправляясь на отлов Плешнера, Елена Петровна молилась о том, чтобы в экспертном заключении судмедика стояла волшебная фраза «смерть по неосторожности».

Отловленный Плешнер без сопротивления выдал нужный документ, но, пролистнув исписанные странички, Зотова загрустила. Гриб натолкал в свое заключение столько формул, что следователя буквально заколбасило, как перед экзаменом по высшей математике, а кроме того, в нем еще и выводы отсутствовали.

– Ну и где выводы, я вас спрашиваю? – нахально поинтересовалась Елена Петровна, вернув Плешнеру листы и ожидая, что тот сейчас пошлет ее на фиг. – Я же сказала, что они нужны срочно!

Вообще-то торопить судмедика она не имела никакого законного права. Плешнер, однако, не обиделся.

– Еще не закончил... собирался как раз... во время обеда... – залепетал Гриб. И вдруг воодушевленно доложил: – Но тут и без выводов все ясно!

– Вам, может быть, и ясно, а мне так ни черта непонятно! – рявкнула Елена Петровна, чуть не сдув с головы эксперта кепку. – Вы русским языком, а не формулами вашими можете мне объяснить, потерпевшая сама с моста сиганула или ей кто-то помог?

– Уважаемая Елена Петровна, тут же все написано, – искренне удивился эксперт и ткнул кривым пальцем в какую-то цифру. – Вот по этой формуле я вычислил значение высоты падения. А теперь взгляните сюда... – Плешнер ткнул пальцем в другую цифру. – Видите?

– Вижу. Две разные цифры.

– Ну, теперь понятно?

– Нет.

– Как же так? – растерялся Григорий Варламович. – Посмотрите еще раз. Высота моста, с которого якобы произошло падение, 15 метров. А вот расчетное значение высоты падения потерпевшей. Приблизительно оно равно 18 метрам. Расчетное значение высоты существенно превышает высоту моста, с которого якобы произошло падение. Теперь ясно?

– Угу, теперь ясно, – сказала Зотова, от всей души желая укусить Плешнера за нос и с сарказмом добавила: – Раз в округе нет ни одного здания выше моста, значит, потерпевшая с моста не падала, а свалилась с неба или выпала из самолета.

Плешнер ошарашенно хрюкнул.

– Нет, это значит, что либо криминалист высоту моста неверно измерил, что решительно исключено, поскольку я сам лично проверил данную цифру, либо падению предшествовало ускорение, – сказал он после паузы и одарил Зотову долгим странным взглядом.

Елена Петровна молча смотрела на эксперта и ждала дальнейших объяснений. Объяснения и последовали:

– Исходя из средней кинетической энергии, результирующей скорости тела при ударе о плоскость, скорости свободного падения вертикальной составляющей результирующей скорости и горизонтальной составляющей, скорость отталкивания тела от опоры равна 9,05 м/сек.

– Выходит, женщина оттолкнулась от перил? – тряхнув головой от таких пояснений, с надеждой спросила Зотова, и ей захотелось Плешнера обнять и расцеловать. С самоубийством, конечно, тоже хлопот много, но это, по крайней мере, не убийство. Мотив простой: ошалела баба от славы, вот нервишки и сдали.

– Понимаете, в чем дело... – протянул Плешнер. – При отталкивании от опоры у разных людей начальная горизонтальная скорость колеблется от 2,7 до 9,15 м/сек. Значение 9,15 м/сек – максимально возможная скорость отталкивания у людей, которые занимаются спортом...

– А у нас 9,05 м/сек, – перебила эксперта Зотова. – Все сходится. Полярная – молодая женщина, подтянутая, ухоженная, значит, находилась в прекрасной физической форме. Вывод: потерпевшая сама оттолкнулась от опоры и прыгнула с моста. Это самоубийство! Не выдержала, бедная, бремени славы, – вздохнула Зотова и дружелюбно хлопнула эксперта по плечу.

Гриб пошатнулся и сконфуженно отвел взгляд.

– Понимаете, в чем дело...

– Что еще? – недовольно спросила Елена Петровна, предчувствуя очередную подлянку.

– Полярная выглядела довольно молодо и ухоженно для своих лет, но отнюдь не находилась в прекрасной физической форме. Организм ее крайне истощен. Печень никудышная. Сосуды изношены. Плюс целый букет хронических заболеваний. Удивительно, что Полярная не скончалась на съемочной площадке. Так что... Должен вас огорчить, но в силу слабости мышечной массы и общего неудовлетворительного состояния актриса вряд ли могла сама оттолкнуться от опоры с такой силой. Ей определенно помогли, хотя внешних признаков насильственной смерти я не обнаружил. Как я вам уже сообщил, все повреждения – первичные переломы костей скелета, вторичные повреждения и инерционные повреждения – получены в результате удара о поверхность приземления.

– Убили... – охнула Зотова.

– Да, Полярную убили, – обреченно сказал эксперт.

– Вы меня тоже! – рявкнула Елена Петровна и двинулась в сторону метро, забыв, что начальник, по случаю важности дела, выделил ей служебную машину.

– Елена Петровна, подождите! – Плешнер вприпрыжку заспешил за следователем. – Да не расстраивайтесь вы! В нашей жизни все так стремительно – звезды зажигаются, звезды гаснут... О Полярной через неделю уже забудут, и вас перестанут шпынять. Пойдемте, я вас кофе напою и перекусим. Приглашаю. Как раз время обеда.

Елена Петровна с удивлением посмотрела на Плешнера. Такой прыти и щедрости от судмедика Зотова никак не ожидала.

– Ну, решайтесь скорее! – поторопил ее Григорий Варламович. – А то я сам прямо тут скончаюсь с голодухи. Умру, и вы лишитесь прекрасного судмедика, одного из лучших в данной области.

– И очень скромного, – хмыкнула Елена Петровна. – Ладно, уговорили. Перед смертью лучше подкрепиться. Сейчас меня пресса и поклонники актрисы запрессуют так, что мало не покажется.

Григорий Варламович радостно кивнул и повел следователя за собой. Они прошли по улице мимо длинного кирпичного дома, свернули во дворик и направились к подъезду, самому обыкновенному, с металлической дверью, домофоном и козырьком. Никаких вывесок о питейных заведениях, расположенных в помещении, возле подъезда не имелось. «Он что, в подпольную столовую меня ведет?» – с недоумением предположила Зотова. На ее вопросительный взгляд Григорий Варламович загадочно улыбнулся, открыл дверь магнитным ключом и запихнул ошарашенную Елену Петровну внутрь. Дар речи вернулся к Зотовой в тесной кабине лифта.

– Куда это вы меня пригласили кофе пить? – поинтересовалась она, не веря в идиотизм ситуации. Неужели Гриб тащит ее к себе домой? С какой стати? Это же форменный беспредел! Он ведь вроде бы мужчина... А она вроде бы женщина...

– Сейчас увидите, – загадочно улыбнулся Григорий Варламович и посмотрел на спутницу с обожанием.

Зотова зарумянилась, как барышня перед первым свиданием. «Брови опять забыла выщипать», – подумала она, глядя поверх кепки Плешнера в зеркало на свою совершенно глупую и растерянную физиономию.

Двери лифта разъехались, и Плешнер галантно пропустил ее вперед. Елена Петровна вышла и Галатеей окаменела на лестничной клетке. Григорий Варламович ткнулся в ее широкую спину носом, придурковато хихикнул и, гремя ключами, метнулся к двери, обитой бордовым дерматином.

«А вдруг новый эксперт маньяк? Или извращенец?» – мелькнула пугающая мысль. Знакомы же без году неделя. Что она о нем знает? По сути, ничего. Заманил к себе домой, подлый скунс, сейчас набросится на нее со скальпелем и произведет исследование трупа. Или обесчестит. Елена Петровна взглянула на кепку Плешнера и нервно хихикнула, с сожалением вспомнив, что ее двухкилограммовая гантель осталась дома. «Придется обходиться подручными средствами», – оптимистично подумала следователь и сжала руку в кулак, чтобы в случае покушения на ее честь дать Плешнеру в пятак. Церемониться она с ним не будет. «Ишь, что удумал, уродец плешивый...» – мстительно размышляла Зотова, ощущая в душе странное волнение.

Судмедик сунул ключ в замок, обернулся и снова посмотрел на нее с обожанием. Елена Петровна про себя возмутилась. Это уже переходит все границы! На что он рассчитывает? Что напоит ее кофе и... и... Дальше мысль забуксовала. Даже вообразить покушение на свою честь Зотова была не в состоянии.

Дверь распахнулась с гулким вздохом, и они оказались в полумраке просторной прихожей.

– Темновато у вас, – прошептала Елена Петровна.

– Лампочка перегорела, а вкрутить руки не доходят, – весело отозвался Григорий Варламович, шурша неподалеку плащом.

В голове Елены Петровны проплыли кадры из нескольких фильмов про маньяков. «Врет», – глядя на потолок, на трехрожковую люстру, решила Зотова и вспотела от напряжения. А потом судмедэксперт вдруг оказался сзади и вцепился в плечи Елены Петровны. Она резко обернулась и дала Плешнеру в глаз. Тот хрюкнул и стек по стенке на пол.

Двустворчатые двери гостиной распахнулись, и в прихожую выплыло кучерявое фигуристое сознание женского пола с томным взором.

– Григорий, ну что там возишься? По второму разу все подогреваю, – с одесским акцентом сказала дама и подслеповато сощурилась.

– Здравсте, – прошептала Елена Петровна и покашляла в кулачок, который минуту назад украсил фингалом несчастного Плешнера. «А и поделом козлу!» – мстительно подумала Зотова. У него жена, понимаешь, а он баб в дом тащит. С другой стороны... С какой же стати Гриб пригласил ее на кофе, когда у него дома жена? Елена Петровна совсем запуталась. Пока ехала в лифте, думала, что попала в исключительно идиотскую ситуацию, но сейчас, стоя, словно на эшафоте, под прицелом подслеповатых глаз кучерявой дамы, чувствовала себя вообще клинической дурой. Дама тем временем ошарашенно переводила взгляд то на валяющегося на полу Плешнера, то на Зотову.

– Розочка, смотри, кого я тебе привел! – проскрипел с пола Григорий Варламович, делая вид, что страшно сосредоточен на развязывании шнурков. Подняться он был пока не в состоянии. – Познакомься, дорогая. Это моя коллега, легенда сыскного дела, старший следователь по особо важным делам Елена Петровна Зотова. Я тебе о ней рассказывал, – доложил Плешнер и встал наконец на ноги.

– Добрый день, – изумленно вскинула брови дама, очнувшись от шока. А потом улыбнулась и стала похожей на Плешнера как близнец. В очередной раз подтвердилось предположение Зотовой о том, что супруги, прожившие в браке много лет, становятся похожи друг на друга. – Григорий, ты неисправим! Как можно даму, к тому же столь прелестную, называть легендой?

Розочка выразительно посмотрела на Плешнера и снова улыбнулась Елене Петровне. Зотова криво улыбнулась в ответ. Легендой Елену Петровну называли частенько, что нисколько ее не шокировало, а вот прелестной дамой, кажется, ни разу. Определенно у Розочки Плешнер серьезные проблемы со зрением.

– Что же мы в прихожей стоим? – всплеснула тем временем руками Розочка. – Проходите скорее в гостиную. Сейчас перекусим и познакомимся поближе. Обувь можно не снимать. Простите моего непутевого брата. Вечно он глупости говорит.

– Брата? – растерялась Елена Петровна, обернулась к Плешнеру и вздрогнула: вместо кепки на голове судмедика возвышалась копна смоляных кучерявых волос, которые тот старательно пытался пригладить ладонями. – А где тут у вас... где руки можно сполоснуть?

Розочка указала рукой на дверь в конце коридора, Зотова рванула туда, заперлась, включила воду и расхохоталась до слез. Дедуктивные способности ее подвели, судмедэксперт оказался вовсе не плешивым, а волосатым, как нестриженный баран, но красоты шевелюра ему не прибавила. С волосами Григорий Варламович выглядел еще нелепее и походил не на обычный гриб, а на атомный.

Сполоснув лицо холодной водой, Елена Петровна привела себя в порядок и выплыла из туалетной комнаты. Плешнер ждал ее с другой стороны двери. Глаз его слегка заплыл и слезился, но в целом эксперт выглядел не так ужасно, как она представляла. «Старею...» – подумала Елена Петровна. В былые времена после знакомства с ее кулаком Плешнер бы вряд ли поднялся с пола. Во всяком случае, в ближайшие сутки. Рука у нее всегда была тяжелая.

– А чего это вы мне так лихо звезданули в глаз? – заговорщицки спросил судмедик. – Решили, будто я на вас виды имею, что ль?

– Глупости какие! – задохнулась от возмущения Елена Петровна, сдерживая желание дать Плешнеру в глаза еще раз. – Просто... Просто я убежденная феминистка! – выпалила она. А затем, ошалева от собственного заявления, отстранила Григория Варламовича с дороги и прошлепала в гостиную, откуда тек чарующий аромат домашних яств и разносолов.

Светлая просторная гостиная-столовая радовала глаз. Чисто, уютно и аристократично. «Неплохо живут судебные эксперты», – подумала Зотова, осматривая владения Плешнера и его сестры. По планировке квартира явно «трешка». Высокие потолки с лепниной. В ее-то хрущевской малогабаритке потолок давил на мозг, а стены налегали на бедра. Всю жизнь Елена Петровна мечтала иметь хотя бы одну просторную комнату или кухню, но так и прожила в своей убогой клетушке. Благо сын недавно ремонт помог сделать, потолки побелил, и теперь они визуально казались выше.

В квартире Плешнеров недостаток ощущался во всем, но не было вычурности и вульгарной роскоши: светлая мебель, фарфор, картины, люстра, шелковистый ковер, натертый до блеска дубовый паркет. И даже гардины сдержанно сообщали о том, что хозяева этого жилища люди отнюдь не бедные. О хорошем материальном положении говорила и туалетная комната, в которой успела побывать Елена Петровна. Везде чисто до умопомрачения, и Зотова боялась даже ступить на шелковистый молочный ковер. Розочка, одетая в аккуратное темное платье, вписывалась в интерьер идеально, а вот волосатый братик казался чуждым элементом.

Сестра Плешнера, заметив ее на пороге, потянула Зотову к столу.

– Как я рада, что вы заглянули к нам в гости! Наслышана, наслышана про ваши выдающиеся дедуктивные способности от Гришечки, – просияла она, старательно разливая по фарфоровым тарелкам борщ. – Он говорит, что вам по силам раскрыть любое, даже самое хитрое преступление. Кушайте, пока не остыло. Гришку не ждите. Он такой медлительный, что иногда мне хочется его порубить на бифштекс.

«Мне тоже», – подумала Елена Петровна.

– Григорий Варламович сильно преувеличивает мои заслуги, – улыбнулась она и залилась румянцем в очередной раз. Вот ведь, даже и не подозревала, что новый судмедик такого высокого мнения о ее работе. Более того, считала, что он возненавидел ее с первого взгляда, а все наезды терпел, чтобы вписаться в команду.

– Не спорьте, Гриша лучше знает, – шутиливо пропела Розочка. И принялась с воодушевлением расписывать достоинства брата, словно тот был женихом на выданье: – Он ведь эксперт высшего класса, профессор кафедры судебной медицины, доктор медицинских наук, автор десятка научных работ по судебной медицине, две из которых монографии, и трех учебников.

Зотовой от подобных откровений стало так неловко, что впору утопиться в борще.

– Только с кафедры пришлось уйти – Гришеньку пригласили в федеральный центр судебной экспертизы, в отдел сложных экспертиз. Он так обрадовался! Гриша всегда мечтал прикоснуться к реальности. И прикоснулся... на свою голову. К слову, вы случайно не в курсе, что такое у него с лицом? – обеспокоенно спросила Розочка. – Он говорит, что ячмень, но я-то вижу, что глаз травмирован в результате воздействия твердого предмета.

«Ну и семейка», – подумала Елена Петровна и поспешила утешить сестру Плешнера:

– Не волнуйтесь, ничего криминального. Григорий Варламович случайно вошел в закрытую дверь.

– Ну слава богу! – пролепетала Розочка. И задумчиво добавила: – Он такой рассеянный.

– Что же было потом? Почему Григорий Варламович ушел из федерального центра и подался обычным экспертом в городское бюро судебной медицины? – спросила Зотова, заинтригованная рассказом.

Вот тебе и Гриб! Оказывается, она шпыняла не простого судмедэксперта, а профессора, автора научных трудов и доктора медицинских наук. И в глаз дала не кому-нибудь, а светилу науки. Костяшки на руках запылали огнем, словно их перцем натерли. Как же она на рега-

лии в бланке экспертизы не обратила внимания? Ведь подумала, что фамилия нового сотрудника знакомой кажется, но решила, что у нее ассоциация с именем одного из персонажей «Семнадцати мгновений весны» в голове крутится. Чуть не убила великого ученого! Ужас! Неудивительно, что медлительный Плешнер за такой короткий срок выдал ей полное экспертное заключение сложного случая. Теперь в его исключительной точности Елена Петровна не сомневалась. Говоря по совести, еще на осмотре места преступления Зотова отметила профессионализм Плешнера, но внутренний протест мешал воспринимать его всерьез.

– Видите ли, в чем дело... – Розочка договорить не успела, в гостиную вернулся Григорий Варламович.

– Ездить далеко приходилось, утомился, – торопливо пояснил он, уселся за стол и схватился за ложку. – Всегда мечтал рядом с домом работать. Обедать домой можно ходить. Благо Роза Варламовна у нас на все руки мастерица и балует меня всяческими кулинарными изысками.

– Кого ж мне еще баловать? – грустно улыбнулась Розочка и шмякнула в тарелку брата внушительную ложку сметаны.

Борщ Григорий ел с аппетитом, Зотова невольно залюбовалась судмедиком. Она частенько ловила себя на мысли, что всегда оценивает, как мужчина ест. Ее бывший муж, любитель кактусов, пищу глотал без всяких эмоций, словно пресную лепешку жевал, и никогда не говорил «спасибо» или «вкусно». В отместку Зотова перестала его кормить. А на прощанье все-таки встала к станку и приготовила ему салат... из обожаемых колючек. Позже полковник, который ухаживал за Еленой Петровной с серьезными намерениями, метал еду в рот как пулемет, после трапезы отдавал честь и вытирал руки о скатерть. Тогда Зотова перестала стелить скатерть на стол и полковник ушел, решив, что Елена Петровна его разлюбила. Глупый, она и не любила его никогда. Как и скатерти. Варламов... Варламов ел мало, но все, что она предлагала. Даже пельмени, которые ненавидел. И сам ее кормил, кажется, получая от этого удовольствие. И подавал завтрак в постель. И кофе великолепный варил. И замуж ей предложил... Она не пошла. Потому что слишком сильно его любила, сволочь такую. А вот Плешнер ест интеллигентно. Елена Петровна вдруг подумала озадаченно: «А при чем тут вообще Плешнер?»

– Вкусно. Розочка отличный кулинар! – Поймав странный взгляд госты, Плешнер смутился и отправил сестрицу на кухню за горячим.

Борщ действительно был великолепен, Елена Петровна и не заметила, как за размышлениями уплегла тарелку. Давненько она домашнего не ела. Столовая еда, бутерброды на бегу да пельмени на ужин, и как результат – попа размером с аэропорт Шереметьево.

– Болит? – поинтересовалась Елена Петровна, указав рукой на глаз. После вкусной еды совесть стала ее мучить с еще большей силой.

– Болит, собака, – не стал строить из себя рыцаря Григорий Варламович.

– Надо бы лед приложить.

– Обойдется, – махнул рукой Плешнер, и его смоляные кудри заплясали на голове как студень.

«Забавно, профессоров в кино изображают именно такими странными чудиками», – подумала Зотова. Прямо «Назад в будущее» номер два, только колер другой. А в общем-то, Плешнер даже симпатичный. Если его сводить в парикмахерскую и одеть нормально. В отличие от сестры, аккуратной милой дамы, Григорий Варламович выглядел запущенным беспризорником. Уж насколько сама она, Елена Петровна Зотова, не слишком озабочена своим внешним видом, но и то стиль одежды судмедика приводит ее в ужас. Растянутый свитер, брюки явно из наследства бабушки. Кепка кошмарная. Где только Плешнер ее оторыл? Снял с трупа какого-нибудь горца?

– Так о чем вы собирались мне рассказать? – спросила Елена Петровна, сдерживая улыбку.

– Когда?

– Когда мы шли к вам в гости. Вы сказали, что у вас есть для меня любопытная информация.

– Информация о чем? – поинтересовался Григорий Варламович.

Зотова обреченно вздохнула и терпеливо напомнила:

– О деле. О гибели актрисы Полярной.

Плешнер пожал плечами и глубоко задумался. Так и сидел, пока из тяжелых дум его не вытащила Розочка, которая торжественно внесла в гостиную поднос с запеченной рыбой с картошкой. Хозяйка плюхнула на тарелку брата целого карпа, вторую рыбину разделила странным образом: себе положила голову, а Елене Петровне остальную часть.

– Если бы знала, что вы в гости к нам заглянете, приготовила бы что-то другое, – сокрушенно заявила она, тыкая вилкой в рыбий глаз. Елене Петровне стало неловко.

– Напрасно беспокоитесь. Я рыбу очень люблю, однако вы мне слишком много положили. Боюсь, не осилю, так что...

– Осилите! – перебила ее Розочка. – А вот на мою голову даже и не смотрите. Не дам! Это мое любимое блюдо, особенно мозги.

– На ваши мозги я не претендую, – рассмеялась Елена Петровна.

– Вот и славно, – улыбнулась сестра Плешнера. – Еще я люблю куриные гузки и бараньи семенники. Гриша говорит, что у меня извращенный вкус.

– А я люблю пельмени, – зачем-то сказала Елена Петровна и снова вспомнила Варламова.

– И я люблю пельмени, – сообщил Григорий. – Розочка, давненько ты меня пельмешками не баловала.

– Сделаю! – оживилась сестра и подмигнула слегка порозовевшему судмедику: – Давай нашу гостью на домашние пельмешки пригласим? Правда, Елена Петровна, приходите к нам в выходные, а?

– Эээ... – только и смогла вымолвить Елена Петровна.

– Соглашайтесь! Роза такие пельмени делает, что за них можно Родину продать, – подал голос Плешнер.

– Спасибо... – проямлила Зотова.

– Спасибо «да» или спасибо «нет»? – не отставала Розочка. – Какая досада, что сегодня я рыбу сделала. Очень бы хотелось побеседовать по душам, но теперь никак не получится.

– Почему?

– Нельзя разговаривать, когда рыбу ешь. Кость может в горле застрять, – безапелляционным тоном заявила сестра Плешнера и сосредоточенно принялась за еду.

– Неужели? – спросила Зотова и тут же почувствовала, как нечто острое впилося ей в миндалину. Покраснев как помидор и судорожно кашляя, она вылетела из гостиной, побежала в ванную и заперла дверь. Следом прибежал Плешнер, подергал ручку и забарабанил в дверь.

– Откройте! Я вам помогу!

– Судебный медик мне пока без надобности, – вякнула Зотова.

«Не хватало еще свои пломбы Плешнеру продемонстрировать», – с ужасом подумала она, уселась на унитаз и засунула руку в рот, безуспешно пытаясь вытащить занозу. В кармане завибрировал сотовый. Сдерживая кашель, Елена Петровна прохрипела в трубку «слушаю».

– Откройте! – снова забарабанил в дверь Плешнер.

– Леночка Петровна, что случилось? – обеспокоенно спросил оперативник Венечка Трофимов.

– Ничего, мне тут... кость поперек... – еле выдавила из себя Елена Петровна.

– Почему у вас такой голос? Что с вами?

Зотова хотела все объяснить Трофимову, но не смогла, закашлялась в трубку. Включила воду, набрала в рот воды и прополоскала горло. Не помогло – кость впилося в гортань намертво.

- Елена Петровна! Вы где? – заорал Трофимов.
- В ванной... – прохрипела Елена Петровна. – Заперлась тут и пытаюсь...
- Откройте немедленно, феминистка хренова! Я вам корку хлеба принес! – крикнул

Плешнер.

- Подите прочь!
- Вас похитили! – осенило Венечку.
- Ыыы... – сказала Елена Петровна.
- Не волнуйтесь! Держитесь там, я сейчас... Мы вас вызволим! Ждите группу!
- Трофимов! Отбой! – из последних сил завопила Елена Петровна, но Венечка уже отсо-

единился.

Продолжая кашлять как туберкулезница, Зотова попыталась набрать номер опера, но аппарат выскользнул из руки и упал в унитаз.

– Катастрофа... – прошептала Елена Петровна и сунула руку в толчок. Но достать телефон не вышло, тот уплыл дальше по течению.

Чертыхаясь, она распахнула дверь – с другой стороны кто-то ойкнул и с грохотом повалился на пол. Плешнер лежал на ковровой дорожке, держась одной рукой за нос, а другой, как Буратино, протягивал Елене Петровне корку черного хлеба. Рядом топталась Розочка с выражением сожаления, раскаяния и ужаса на лице.

– Ешьте немедленно, пока отек гортани не случился! Это детский способ, корка кость пропихнет, – прогнусавил Григорий Варламович.

«Пионэры, идите в жопу!» – отчего-то мелькнула в мозгу крылатая фраза Раневской, но Елена Петровна послушно затолкала подсохший хлеб в рот и хотела попросить телефон, но вдруг почувствовала, что говорить не может. И дышать не может тоже. Кровь прилила к голове. Зотова засипела и, хватая воздух ртом, выкатила глаза.

– Сейчас я вам водички принесу, – пролепетала Розочка и бросилась на кухню.

– Какая водичка, Роза? Ей экстренная помощь нужна! – заорал Плешнер и бросился к Елене Петровне.

Дальнейшие события Зотова помнила смутно. В глазах у нее потемнело, и она словно провалилась в длинный узкий коридор. Там было тихо и светло, как в медицинском кабинете, но так душно, что хотелось распахнуть окно. Окон, как назло, в коридоре не оказалось, только двери, двери, двери... бесчисленное количество дверей. Зотова подошла к одной и потянула за ручку – заперто. Подергала другую – то же самое.

Духота сгустилась черным облаком. Она расстегнула пуговицы на кофте и стянула ее с себя, потянулась к блузке, но вдруг в руке появился белый веер из страусиных перьев. Елена Петровна махнула опахалом перед носом, сунула веер под мышку и побрела по коридору, проверяя каждую дверь – безрезультатно, все оказались закрыты.

С каждым шагом идти становилось тяжелее, ноги словно налились свинцом. «Как назло ботинки на шнурках сегодня надела, – с досадой подумала Зотова, – развязать сил не хватит, так и помру». А умирать совсем не хотелось. Начальник ругаться будет. Кто, кроме нее, раскроет убийство Полярной звезды? Вернее, звезды Полярной... И Варламову она так и не сказала, что любит. Тот тоже расстроится. Или нет? Наверное, забыл ее давно, нашел себе даму, более подходящую по рангу, и живет себе в Европе, в ус не дует. А Пашка с Полькой? Как они будут без нее? И тут в голову Елены Петровны закралась пугающая мысль: без нее вполне обойдутся. У сына давно своя жизнь, отдельная жилплощадь и Полечка. Она о нем позаботится. Пашка, конечно, расстроится, но потом у них детишки пойдут, и все печали забудутся. Выходит, она никому не нужна, кроме начальника следственного отдела? Да и тому лишь с корыстной целью.

Елене Петровне стало так грустно, что слезы навернулись на глаза. Жизнь прожита впустую. Надо было замуж за Варламова выходить, а не выкобениваться. Жила бы сейчас в Дании,

ходила на выставки, в консерваторию, на светские приемы и в кино. Книжки бы все перечитала, до которых руки так и не дошли с ее сумасшедшей работой, фильмы пересмотрела, выпалась, потом с тоски начала разводить помидоры и огурцы... Какой кошмар! Нет, Зотова, конечно, представляла себе старость в уютном домике с садом, креслом-качалкой, горячим чайком и с книгой в руке, но вообразить себя агрономом никак не могла. Да пропади они пропадом, помидоры эти! Она бы со скуки умерла в Дании... Ой, а как же Федя? Как же она про него забыла? Котейка старый, еще один переезд не переживет. Вот кому она нужна – коту своему приبلудному! Пропадет он без нее.

Сердце в груди отчаянно забилося, Елена Петровна ускорила шаг. Коридор вдруг кончился. Она уперлась в глухую стену. Секунду смотрела перед собой, не веря собственным глазам. Не может этого быть, здесь должно быть окно. Ну-ка, попробуем стукнуть по стене кулаком... Штукатурка осыпалась, но под ней оказалась глухая кирпичная кладка. Сил совсем не осталось, Зотова рухнула на колени.

– Давай! Давай! – закричал в ухо Плешнер.

Елена Петровна попыталась встать, но на плечи словно стопудовый мешок взгромоздили. Отчего-то заболели ребра и горло. Она уперлась в кирпичи лбом – кладка разрушилась, словно папье-маше, глаза ослепило солнце. Зотова зажмурилась, а когда снова открыла глаза – увидела чудо: вокруг цвели сады, плескалось море, распускались розы и тюльпаны. Дышать стало легче, подул морской бриз, она перевернулась на спину и сделала глубокий вдох – легкие наполнились свежей прохладой. А потом снова стало нечем дышать, солнце скрылось за... шевелюрой Плешнера, который уперся ей в грудь ладонями, навис над лицом и вдруг впился Елене Петровне в губы. «Все-таки маньяк», – подумала Зотова и дала эксперту в морду.

– Господи, да вы не женщина, а Терминатор какой-то! – прокряхтел Григорий Варламович с пола. – Вы мне нос, кажется, сломали...

Елена Петровна села и осоловело огляделась. Сады и море исчезли, вместо них снова появился коридор, но тот, уже знакомый, с ковровой дорожкой.

– Как вам не стыдно! Он вам жизнь спас, а вы... – завывала сестра Плешнера, окончательно вернув следователя по особо важным делам в реальность.

– Да все нормально. Слава богу! Лед принеси, пожалуйста.

Розочка метнулась на кухню.

– Извините, это я от неожиданности... Я же не знала, что вы... я думала, вы... а вы... Спасибо, в общем. Я вам это припомню, – пролепетала Елена Петровна. – В смысле, не забуду.

– Пустое, не стоит благодарности. Я свой долг выполнял, – смутился Григорий Варламович. – Главное, вы живы. И вам совершенно не за что извиняться. Сам тебя сотворил, сам тебя и убью... В смысле... В некотором роде... Это я вам корку дал. Как вы себя чувствуете? Горло не болит?

– Болит, собака, – сипло произнесла Зотова и покашляла для наглядности. – Такое ощущение, что у меня там до сих пор кость торчит.

– Кость вместе с коркой из дыхательных путей я извлек, но возвращаться с того света вы отчего-то сразу не пожелали. Пришлось сделать вам искусственное дыхание.

– Спасибо!

– На здоровье, – окончательно смутился Плешнер. И проорал в сторону кухни: – Роза, ну где ты там? Лед принеси! И воды для Елены Петровны!

Лед действительно не помешает... Елена Петровна виновато поглядела на Плешнера. Нос судмедика рос на глазах, как весенний бутон на солнце, на лбу отпечаталась филенка двери, глаз припух. «Бедняжка... – с сочувствием подумала Елена Петровна. – Сначала фингал ему поставила, потом дверью шарахнула...»

– Телефон! Дайте мне срочно телефон! – закричала она, в очередной раз напугав Розочку и судмедика.

Трофимов должно быть уже вычислил ее местоположение и выехал с группой на место. Омоновцы ребята серьезные. До того как все проявится, Плешнера в котлету превратят, и распухший нос покажется ему потом самой маленькой неприятностью за день. А потом, когда все выяснится, в котлету превратят ее.

Не дождавшись от судмедика действий, Зотова подползла к Плешнеру и принялась его обыскивать. Григорий Варламович слабо сопротивлялся и придурковато хихикал. Розочка выронила из рук стакан и приложила салфетку со льдом к своему лбу, ошарашенно наблюдая за развивающимися событиями.

В дверь позвонили.

– Не успела... – с ужасом прошептала Елена Петровна.

– Что? – поинтересовался Плешнер.

– Пойду открою, – вздохнула Розочка и направилась к двери.

– Не открывайте! – зашипела Зотова. – Ни в коем случае! Я сама!

Елена Петровна вскочила на ноги, отодвинула сестру Плешнера с дороги, ломанулась к двери и прилипла к глазку. На лестничной клетке стоял хмурый мужик в синей спецовке со стремянкой в руках. Судя по всему, работник местного домоуправления. Отвлекающий маневр, подумала Зотова и пригорюнилась. Как только она откроет дверь, в квартиру ворвется вооруженная толпа. Следователь робко обернулась, глянув на судмедика, сочувственно вздохнула и отперла замок.

– Где она? – хмуро поинтересовался мужик.

– Тихо, – прошептала Елена Петровна и активно заморгала глазом.

Мужик на секунду окаменел, а затем помрачнел еще больше.

– Нечего мне тут глазки строить. Говорите, в какое место вкрутить. Некогда мне.

– В какое место что сделать? – поинтересовалась Елена Петровна и залилась ярким румянцем.

В прихожую впорхнула Розочка.

– Наконец-то! – воскликнула она. – Неделю без света живем.

– Сами бы давно уже вкрутили, и всех делов, – проворчал мужик. – Гоняют по пустякам...

– Брат пытался, но его током шибануло, – залепетала Розочка. – А потом все остальные лампочки перегорели. – Сестра Плешнера ткнула пальцем в потолок прихожей.

– Так и надо было в заявке писать – замыкание. А то вызывают по пустякам! Лампочку они, видите ли, вкрутить не могут. Офонареть можно! – проворчал электрик, разложил стремянку, вскарабкался под потолок и принялся ковыряться в плафонах.

В душе Елены Петровны зародились сомнения в первоначальной версии разворота событий. Она выглянула на лестничную клетку и прислушалась. Внизу лаяла собака, за соседней дверью хныкал ребенок.

– Если пару сотенных поверх тарифа накинете, проводку заменю, – деловито сказал мужик в спецовке, и Елена Петровна очнулась.

– Григорий Варламович, где у вас телефон? – закричала она. – Я свой в унитазе утопила. Быстрее! Надо отменить ОМОН. Они сейчас приедут меня из заточения вызволять, и тогда чинить придется не только проводку, но и печень с почками.

– Какой ОМОН? О чем вы говорите? Вы себя хорошо чувствуете? – ошалел Плешнер.

Розочка не пошевелилась, стояла истуканом и смотрела на Елену Петровну с сочувствием.

– Да вон же труба, на зеркале в прихожей, – подал голос электрик, указав отверткой на стационарный телефон.

– Спасибо, – буркнула Елена Петровна, вцепилась в аппарат и набрала номер Веночки. Благо помнила цифры наизусть.

– Трофимов! – рывкнула она в трубку. – Ты где?

– А вы где? С вами все в порядке? – заорал опер. – Мы пока не определили ваше точное местоположение, но уже рядом.

– Где рядом? Со мной все в порядке, Веня! Отменяй все! Я сейчас приеду в следственный отдел.

– Мы тут, в квадрате поиска. Гаврюша тоже. Очень волнуется.

– Где тут? – ошарашенно спросила Зотова. Гаврюшей коллеги именовали начальника следственного управления.

– У здания бюро судебной экспертизы. Спутником не вышло ваше точное местоположение определить, сигнал слабый. Только квадрат приблизительно вычислили. Опрашиваем население. Гаврюшин водитель нам сказал, что из морга вы вышли с Грибом и отправились с ним во двор соседнего дома.

– Я сейчас буду, – выдохнула Зотова, хлопнула трубку на рычаг и волком посмотрела на Плешнера. – У вас есть пять минут, чтобы придумать интеллигентную версию, как я оказалась у вас в гостях. Вы меня подставили своим приглашением на кофе.

– А у вас пять минут, чтобы придумать версию, откуда у меня появились фингал и разбитый нос, – не остался в долгу Григорий Варламович, накинул плащ и вышел за дверь в тапочках.

– Что уставился? Работай, а то укуку за вымогательство! До конца дней будешь лампочки на зоне вкручивать и выкручивать! – рявкнула Зотова на электрика, который пялился на нее во все глаза.

Елена Петровна сорвала пальто с вешалки, подхватила ботинки Плешнера и, кивнув Розочке, вылетела из квартиры за судмедиком. Нахал даже не удосужился помочь ей надеть пальто! Неудивительно, что он не женат. Выйдешь за такого замуж и придется потом всю жизнь тапки в зубах таскать.

Григорий Варламович ждал ее у лифта с видом оскорбленной добродетели. Зотова торжественно вручила ему ботинки и замерла. Мозг усиленно пытался придумать выход из идиотского положения. Не рассказывать же начальнику, что она избилла лучшего судебного эксперта Москвы за то, что тот решил помочь ей снять пальто, а чуть позже вытащил с того света? Про корку, которая застряла в глотке следом за рыбьей костью, тоже рассказывать желания не было. А если коллеги узнают, что она мобилу в туалете Плешнера утопила, до пенсии придется насмешки терпеть. И вообще, как объяснить, с какой такой радости она оказалась у нового судмедика в гостях? Настроение у Елены Петровны, несмотря на недавнее возвращение в наш мир, светлым назвать было нельзя.

Плешнер наконец зашнуровал свои чеботы и, запихнув тапки в карманы, уставился на нее вопросительно.

– Слушайте, милейшая Елена Петровна, у меня к вам деловое предложение. Может быть, нам не рассказывать никому, что вы мне дали в глаз и чуть не сломали нос? Боюсь, пересудов потом не избежать. Давайте сделаем вид, что я сам упал.

– Гениально! – обрадовалась Зотова и хлопнула судебного медика по спине, отчего тот вцепился в свое зеркальное отражение в кабине. – Травмы на лицевой части головы гражданина Плешнера свидетельствуют о том, что он упал с лестницы и посчитал носом ступени нескольких пролетов, – шутливо добавила Елена Петровна.

– Может, лучше ткнулся лицом в сугроб? Сейчас снег с коростой после оттепели, сугробы плотные, скользко. Поскользнулся – упал, очнулся – гипс, – хихикнул Григорий Варламович.

– Я не судебный эксперт, вам виднее, – рассмеялась Зотова. И подумала, глядя на его распухший нос: «А все-таки он симпатичный».

Плешнер тоже повеселел, и на улицу они вышли в приподнятом настроении.

– Осталось придумать, как я оказалась у вас в гостях.

– Проще простого! Вы встретили меня у морга, чтобы выяснить результат экспертизы. Я вам сообщил, что забыл экспертное заключение дома и сейчас его принесу. Вы вызвались

меня сопроводить, так как торопились. Мы пошли, я поскользнулся, упал. Вы меня транспортировали домой, оказали первую медицинскую помощь. А потом...

– Потом в благодарность ваша сестра накормила меня обедом. Время было как раз обеденное.

– И вы случайно... – Плешнер умолк на полуслове, заметив у здания бюро судебной экспертизы толпу во главе с начальником следственного управления.

Елена Петровна вжала голову в плечи – выражение лица начальника не предвещало ничего хорошего. Собственно, вид у полковника юстиции Гаврилова всегда был угрожающим. Возможно, на самом деле он являлся человеком вовсе не злым и видимость опасности создавали выступающие надбровные дуги, маленькие глазки и квадратная челюсть, но проверять внутреннее устройство души полковника никто из сотрудников не решался. Добрел Гаврилов только, когда разговаривал по телефону с супругой Марией Константиновной, дамой хрупкой, но серьезной во всех отношениях. Однако таким свирепым Елена Петровна не видела начальника никогда. Гаврилов походил сейчас на Ивана Грозного с известной картины на криминальный сюжет.

Увидев подчиненных, полковник зашагал им навстречу.

– Леночка Петровна, какое счастье, что с вами все в порядке! – громыхнул он на весь микрорайон, улыбнулся и сгреб следователя по особо важным делам в объятия.

Зотова ткнулась в начальственный китель носом, лишившись дара речи. Леночкой Петровой ее называли почти все сотрудники следственного отдела, но Гаврилов – никогда в жизни. Все больше по фамилии. Кроме того, впервые на его каменной физиономии появилась улыбка. Может, весь сегодняшний кошмар всего лишь сон? Или она все-таки умерла?

Начальник выпустил ошарашенную Зотову из объятий, направился к Плешнеру и торжественно пожал ему руку, а Елену Петровну взяли в плотное кольцо коллеги. Голова следователя закружилась от теплых слов и дружеских объятий.

– Да погодите вы напирать! Дайте человеку отдышаться. Такой стресс пережила! – отогнал от нее всех Гаврилов и снова улыбнулся.

Елена Петровна кисло улыбнулась в ответ. На душе стало совсем гадко от неловкости – ведь ее коллеги думают, что она побывала в заложницах. Плешнер тоже явно мучился совестью.

– Сейчас я все объясню, – набравшись смелости, заговорил Григорий Варламович. Набрал в легкие побольше воздуха и выпалил: – Дело в том, что я забыл дома экспертное заключение...

– Знаем, знаем! – перебил Гаврилов. – У Трофимова номер определился на сотовом. Он по нему перезвонил и нарвался на сестрицу вашу. Роза Варламовна была очень любезна и все нам подробно разъяснила. Вы молодец! – сказал полковник. – Да, не перевелись еще мужики на Руси. Ничего, найдем преступников и накажем по всей строгости закона, обещаю. Ишь, что удумали: среди бела дня в подъездах на сотрудников следственных органов нападать с ножами и удавками! – Гаврилов хлопнул Плешнера по плечу и обернулся к Елене Петровне: – Как ваше горло? Сильно вас придушили? Врача, может, вызвать?

– Все в порядке, – практически теряя сознание, просипела Зотова, которая врать не любила. Очень не любила. Они с экспертом, конечно, не собирались правду выдавать, но их ложь выглядела невинной по сравнению с высокохудожественным вымыслом Розочки. Ну вот кто сестрицу за язык тянул? Что теперь будет, если все выплывет наружу? Гаврилов просто вышибет обоих с работы с волчьим билетом. Может, пока не поздно, рассказать всю правду, как Чацкий?

– Не умеете вы врать, Елена Петровна! – осуждающе сказал начальник, словно прочитав ее мысли. Зотова побледнела. – Езжайте-ка домой, незаменимая вы наша. Выглядите неважно – бледная, круги под глазами. Отдыхайте. Василий отвезет. – Гаврилов махнул своему води-

телю, жестом приказав, чтобы тот отвез Елену Петровну. – Вот и ладненько. А с результатами экспертизы мы завтра с утра разберемся.

– Спасибо. Для сведения: экспертиза показала, что Полярную убили. Завтра с утра о результатах предварительного расследования я по форме доложу, – крикнула Елена Петровна и торопливо засеменила к машине. Общение с начальником хотелось поскорее прекратить.

Гаврилов явно ничего подобного не ожидал и понесся следом.

– Как убили?! Погодите, а у вас уже предварительная версия есть?

– Нет. Я только что с того света вернулась, там думать было некогда, – буркнула Зотова.

– Давайте в таком случае созвонимся вечером? – не остывал полковник. – Я вам сам позвоню на домашний. А завтра выдам новый мобильник. Надеюсь, симку грабители не попортили?

– Думаю, что нет, – щедро улыбнулась Зотова, содрогнувшись в душе.

Так, так... Гаврилов думает, что телефон накрылся по вине преступников. Но как же она вытащит симку из телефона, который утонул в унитазе Пleshнера? Может, снарядить Григория в поход за новой трубкой? Или довольно с него приключений? С Гавриловым все ясно: начальник решил изобразить благородного рыцаря, но, вероятно, не ожидал, что Елена Петровна так охотно воспримет его предложение. Привык, понимаешь, что она лошадь ездовая и в любом состоянии пашет. Все-таки сволочь. Дудки! Она поедет домой, и баста.

Опер Трофимов, который топтался в стороне, тоже оторопел от неожиданности. За майором юстиции Еленой Петровной Зотовой давно закрепилась слава трудоголика-шизофреника, и ее добровольная капитуляция в самый разгар трудового дня вызвала у коллеги шок. Разве могло прийти кому-нибудь из сослуживцев в голову, что Зотова бежала не от работы, а от собственной лжи? Любая ложь, помимо душевных терзаний, тянет за собой целый клубок нестыковок. Она это знала по опыту. На мелких нестыковках в показаниях следователь и ловила подозреваемых, раскрывала самые запутанные дела. А теперь вот попала в собственную же ловушку. Странно, что пока никто не вывел ее на чистую воду.

Не успела она сесть в служебную машину, рядом нарисовался Трофимов. В глазах его стоял немой вопрос.

– Да, Вень, убийство. И чую, это дело пахнет керосином. По словам Григория Варламовича, на теле нет следов насильственных повреждений. В крови алкоголя и наркотиков не обнаружено. Выходит, на Воробьевы горы Полярная приехала без принуждения, по собственной воле. Тут два варианта: либо она была не одна, ее туда привез убийца, либо убийца ей назначил там встречу и ждал, когда она прибудет.

– А может, просто убийца знал от третьего лица, что Полярная приедет ночью на Воробьевы горы? – предположил Трофимов.

– Тоже вариант, – кивнула Зотова. – Но если Полярная поехала одна, то за каким хреном оставила свою машину у киностудии? У меня первоначально мелькнула мысль, что она просто была в подпитии – в тот вечер съемочная группа и актерский состав отмечали выпуск юбилейной серии. Но мое предположение опровергла экспертиза.

– Полярная могла смыться без машины, чтобы папарацци или поклонники следом не увязались. Вероятно, ей было важно сохранить инкогнито в тот вечер.

– Это наводит на мысль, что актриса договорилась о встрече с человеком, которого не хотела засветить. В день убийства было довольно слякотно, однако обувь Полярной чистая, словно она перед полетом с моста вытерла ножки о половик – нет налипшей грязи на подошвах, соляных разводов. Метро в тот час уже было закрыто. Значит, Полярная подъехала к Воробьевым горам на автомобиле, прямо к месту, и сразу отправилась на пешеходный мост. Как она туда добралась? Взяла такси, частного или приехала вместе с убийцей? В общем, займись этим вплотную. Проверь всех, с кем Полярная общалась по телефону за последние несколько дней.

Пробей близкие контакты. Еще раз побеседуй с коллегами. Кто-то мог слышать ее последний телефонный разговор, но не придать ему значения.

– Да в киношном кругу вообще только сплетням значение придают! К тому же в тот вечер все реально перепились, никто ни черта не помнит. – Трофимов скривился. – Я полдня там проторчал и ничего полезного не выяснил, кроме того, что Полярная на самом деле бездарная сволочь и на роль ее взяли исключительно из-за протекции влиятельного любовника.

– Ну вот, а ты говоришь, ничего не выяснил, – улыбнулась Зотова. – Кто таков?

– Не поверите! – хмыкнул Трофимов. – Депутат Государственной думы Эдуард Каверин.

– Дела... – покачала головой Зотова. – Думаешь, наговаривают?

– Шут их знает. Полярная была красивой женщиной, но карьера у нее не складывалась до роли в сериале «Сплетни». Одна роль второго плана в фильме с претензией на высокое искусство. «Крымские каникулы». Не слышали?

– Что-то знакомое, – отозвалась Елена Петровна.

– Угу, – гоготнул Трофимов, – небось «Римские каникулы» вспомнили. Потом актриса снималась в эпизодах в низкопробных «мыльных операх». Подрабатывала в кабаках – пела под чужую фонограмму. Догадываетесь, под чью? В общем, еще до съемок сериала «Сплетни» Полярная всю эксплуатацию свое сходство со звездной певицей.

– В кабаках, говоришь, подрабатывала? – задумчиво сказала Зотова. – Как-то мне слабо верится, чтобы Каверин позволил любовнице развлекать пьяную ресторанный публику. Кстати, пресса про него пишет, что он отличный семьянин. И свою предвыборную кампанию депутат строит на том, что семья – наше будущее. Несколько детских домов под личную опеку взял. Фонд какой-то благотворительный организовал. Короче, сомнения меня гложут. Эдуард Каверин с виду приличный мужчина с пионерским взором.

– Хм... – Трофимов сотворил такую физиономию, словно Елена Петровна произнесла несусветную чушь. Потом Венечка открыл рот, наверное, собираясь прочитать лекцию о пиар-технологиях и имиджмейкерстве, но Зотова его опередила.

– В любом случае к Эдуарду Каверину не подступиться. Так что давай его пока задвинем на задний план. Ох, не люблю я политиков! А с родителями актрисы пообщался?

– Родители в Сургуте, – доложил Трофимов. – Из близких родственников в Москве двоюродная сестра, но от нее толку мало. Говорит, не общались, про гибель Полярной узнала из телерепортажа. И вроде бы совсем не расстроилась. Спокойная, как удав. К слову, я нашел близкую подругу Полярной, она, похоже, знает гораздо больше, чем сестра. Но мы беседовали только по телефону. Она сейчас в Сургуте: как узнала о смерти подруги, метнулась к ее родителям, чтобы утешить. Завтра все вместе должны прилететь в Москву.

– Вот и хорошо. Завтра с ними пообщаемся. Все, Вень. Поеду я домой.

Трофимов кивнул и наконец оставил ее в покое. Зотова с облегчением плюхнулась на заднее сиденье «Волги» и закрыла глаза. Но тут же услышала настойчивый стук в окно.

– Елена Петровна, я должен вам кое-что сказать, – сконфуженно сообщил Плешнер, снял с головы кепку и начал мять ее в руках, как нашкодивший юнец.

– Что еще не так? – вздохнула следователь, с неохотой выбираясь из теплого салона машины. Она уже вообразила себя со стаканом теплого молока, в любимых тапках и перед телевизором с Федором в обнимку. В конце концов, в ее воскрешении кот сыграл не последнюю роль.

Плешнер продолжал издеваться над своей чудовищной кепкой и молчать. Выглядел он совершенно потерянным и несчастным.

– Если вы по поводу Розочки и ее бурной фантазии, то...

– Нет, – прервал ее судмедик. – Надо было сразу сказать, еще на месте преступления. Я, правда, не уверен, поможет ли вам эта информация... Вернее, уверен не совсем...

– Григорий Варламович, ну говорите уже, а я сама решу! – взмолилась Зотова.

– Во время осмотра трупа Полярной мы обнаружили на шее потерпевшей холщовый мешочек на шнурке, с вышитыми инициалами «МК» и с непонятным содержимым. Предположительно – с золой.

– Экспертиза ведь еще не готова, – сказала Зотова.

– Неважно, там зола... – тихо сказал Плешнер. – Видите ли, три месяца назад я проводил осмотр трупа одной молодой женщины. Смерть аналогичная – падение с большой высоты. С той лишь разницей, что дама вывалилась из окна подъезда дома, где проживала. На шее убитой был такой же холщовый мешочек с золой.

– Убитой?

– Что? – Григорий Варламович вздрогнул и посмотрел на Зотову, как затравленный зверек.

– Вы сказали «убитой».

– Вам послышалось, девушка покончила с собой, – торопливо поправился судмедэксперт. Лицо Григория Варламовича при этом сделалось таким несчастным и сконфуженным, словно он проглотил лягушку без кулинарной обработки.

«Что-то тут не так», – подумала Зотова, но вслух спросила:

– Как звали потерпевшую, помните?

– Сколкова Светлана Валентиновна, – выпалил судмедик без запинки. И добавил дату рождения.

– Три месяца прошло, а вы имя с фамилией и год рождения наизусть помните, – задумчиво сказала Зотова.

– Не понимаю, к чему вы клоните? У меня прекрасная память! – хмуро заявил Плешнер.

– Послушайте, уважаемый Григорий Варламович, раз решили колотья, колитесь до конца! – разозлилась Зотова. – И мое время сэкономите, и на душе легче станет. Думаете, я поверила, что вы престижную работу сменили, чтобы ходить к сестре на обед? То дело как-то связано с вашим уходом? На вас давили серьезные люди? Вынудили скрыть факт убийства? Кто такая та погибшая девушка? Почему ее труп был доставлен в главное управление?

Плешнер на мгновение окаменел в неловкой позе, словно был участником детской игры «Море волнуется...»

– Вы ерунду говорите, – залепетал наконец эксперт. – Она никто, обычная девушка. Просто примите к сведению, что на ее груди висел аналогичный холщовый мешочек с инициалами, несчастная упала с большой высоты и разбилась насмерть. Следователь не обнаружил криминальной составляющей, пришел к выводу, что имело место самоубийство, и отказал в возбуждении уголовного дела. Экспертиза его выводы подтвердила. Все! Надеюсь, информация вам поможет в расследовании смерти Евгении Полярной, – буркнул Плешнер и рысью помчался в сторону бюро.

Но Елена Петровна уже закусила удила. Она села в машину, проводив хмурым взглядом удаляющуюся фигуру Плешнера, и скомандовала водителю, молодому парню с задорным чубчиком и конопатым носом:

– Вась, поехали в следственное управление.

Василий кивнул и нажал на газ. Но тут же радостно доложил, глядя в зеркало заднего вида:

– За нами «хвост».

– Журналисты, – отмахнулась Елена Петровна.

– Борзописцы на дорогах «мерсах» не катаются, – возразил шофер.

Однако Зотова на замечание не отреагировала, закрыла глаза и провалилась в глубокий сон. Проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Открыв глаза, увидела улыбающееся конопатое лицо Василия, а за окном – подъезд своего дома.

– Вась, у тебя что, со слухом проблемы? – с раздражением произнесла она. – Куда ты меня привез? Я же сказала – на работу!

– А я вам не подчиняюсь, – нахально возразил Василий. – Начальник велел – домой. Вот и идите домой, не выпендривайтесь.

– Нахал! – буркнула Зотова и хлопнула дверцей. На возражения сил не осталось, пришлось подчиниться полковнику и его наглому водителю.

В конце концов, не так уж и плохо оказаться дома после клинической смерти. Горло драло нещадно, болели ребра, а тело сотрясал озноб. Видно, наступил отходняк. Сколько, интересно, она пробыла на том свете? Надо будет завтра расспросить Плешнера. Какая неприятность, что эксперт видел ее пломбы. Сейчас бы не помешал горячий чай с коньяком. Жаль, у нее нет ни коньяка, ни чая – сегодня с утра распечатанную пачку на работу прихватила. И кофе у нее тоже нет. Одно радуется: есть не хочется. И вряд ли захочется в ближайшее время. Может, получится пару кило сбросить, а если повезет, и пять? Так оптимистично размышляла Елена Петровна, карабкаясь на свой этаж и машинально читая похабные надписи на стенах. Зря она все-таки не вышла замуж за Варламова... Хоть бы переехала из этого хрущевского гадюшника...

Зотова почти доплелась до своей квартиры, когда услышала позади тихие торопливые шаги. В голове мелькнула фраза Василия про слезку, сердце глухо стукнулось о ребра. Следователь резко обернулась.

– Григорий Варламович? Что вы тут делаете?

– Да вот... мимо проходил... – пролепетал Плешнер, слотнул и достал из кармана бутылку коньяка. – Думаю, вам не помешает.

– А где конфеты? – сурово спросила Зотова.

Судмедэксперт виновато пожал плечами и вытащил из другого кармана лимон и шоколадку «Аленушка».

– Входите тогда, раз мимо шли. Так и быть, познакомлю вас с Федором, – вздохнула Елена Петровна и с неохотой отперла дверь.

По правде говоря, Зотова сказала про Федора, чтобы напугать Плешнера. Вдруг ему неловко станет, и он пойдет мимо. Но Григорий Варламович не испугался.

– Ну и где ваш кот? Я для него колбаску принес, – сообщил деловито Григорий Варламович, вытащил из кармана завернутую в газету колбасу и поболтал ломтиком в воздухе.

– Оригинально. Откуда вы узнали, что у меня кот?

Плешнер презрительно фыркнул.

– Тоже мне, тайна мадридского двора. У вас вся одежда в шерстинках.

– Есть у меня в доме нечего, – перевела тему Зотова.

– Зато есть что пить, – заявил гость, стянув ботинки и осматриваясь.

В прихожую вышел Федор, элегантно выхватил из рук Плешнера колбасу и удалился с добычей в комнату. Елена Петровна проводила судмедика в противоположную сторону, на кухню, усадила на табуретку, достала рюмки и поставила на стол.

– Уютненько у вас, – сказал Григорий Варламович, разлил коньяк и разломил шоколадку.

Елена Петровна порезала лимон и плюхнулась на уголок, уставившись на эксперта вопрошающе. Плешнер развел руками, хлопнул рюмку коньяка, виновато глянул на Зотову. Та тоже выпила и закашлялась, вытерла выступившие слезы рукавом и посмотрела на судмедика, как мать на нерадивого младенца.

– Рассказывайте, Григорий.

– А собственно, нечего рассказывать. Вы сами обо всем догадались уже. Когда погибла та девушка, на меня стали оказывать давление. Предложили денег, я отказался. Тогда мне стали угрожать, что убьют сестру. Выкинут из окна и тело пришлют мне на вскрытие. Я не поверил. Но Розочка вдруг звонит мне и говорит, что пришел какой-то человек и меня дожидается. И тут я слышу, как мужской голос просит сестру окно открыть...

– Тогда вы сделали то, о чем вас просили. Липовое экспертное заключение? – спросила Зотова, с жалостью глядя на Григория.

– Не угадали, уважаемая Елена Петровна. Не скрою, готов был на все, но заключение я не успел переписать – загремел с сердечным приступом в больницу. Навестили меня тут же, пожелали скорейшего выздоровления. Потом выяснилось, что в итоге экспертное заключение написал другой специалист. Осуждать его не смею, сам грешен. Ведь если бы не сердце, то сделал бы все, что мне говорили. Однако вернуться обратно не смог. Тошно мне там стало. Выписался из больницы, оформил перевод сюда, к сестре поближе. Розочка совсем к жизни не приспособлена. Замуж рано вышла за человека вдвое старше себя. Может, слышали про архитектора Невского? Уважаемый человек был и Розочку любил безмерно. Пальцем не давал ей пошевелить, заботился, как о дочери. Год назад его не стало. Дурацкая смерть – поехал на стройку, чтобы лично проконтролировать процесс, и ему на голову бетонная плита упала. Теперь ответственность за сестру целиком и полностью на мне.

– Сожалею, – с сочувствием сказала Зотова, разлила по рюмкам коньяк и выпила свою порцию.

Плешнер тоже выпил, сунул в рот кусок шоколадки и принялся меланхолично жевать.

– Девушка та погибшая была невестой сына депутата Госдумы Каверина, – тихо продолжал Григорий Варламович, достал из кармана пиджака свернутые в трубочку листки и положил на стол перед Еленой Петровной. – Вот мои расчеты и заключение по делу Светланы Сколковой. Чудом сохранились. Многие эксперты в компьютер все заносят, но я по старинке работать люблю. Вот экспертное заключение, написанное от руки, в кармане и было, когда мне плохо стало. Так я с ним в больницу и попал. Без всяких сомнений, Сколковой помогли выпасть из окна. Я вам даже больше скажу: в смерти Сколковой и Полярной виновен один и тот же человек.

– Невероятно! – удивилась Зотова. – Мне казалось, что по делам о падении с высоты невозможно...

– Возможно! – с жаром возразил Григорий Варламович. – Я работал над формулой определения серийности преступления по таким делам несколько лет и добился результата. Пока сейчас ехал к вам, еще раз все просчитал и могу с уверенностью сказать: эти два случая схожи между собой на девяносто восемь процентов, что говорит о серийности преступлений. Однако должен вас и огорчить: доказательством в суде данное заключение являться не может. Моя научная работа еще не завершена. Кто и за что убил женщин я, естественно, не в курсе. Могу только предполагать, что депутат Каверин был крайне заинтересован в том, чтобы смерть невесты сына выглядела как самоубийство.

– У вас есть доказательства, что именно депутат Каверин на вас давление оказывал? – спросила Зотова.

– Прямых доказательств у меня, конечно, нет. Но разве расклад непонятен?

– Расклад понятен, – вздохнула следователь. – Спасибо. Представляю, как сложно вам было решиться мне все рассказать.

– Бросьте! – отмахнулся Плешнер. – На днях Розочку отошлю навестить родственников в Израиль. Побудет там какое-то время, благо, сейчас безвизовый режим. А я устал бояться, хочу жить с чистой совестью и готов дать показания.

– Тогда берите ручку, бумагу и пишите, а я звоню начальству. Надо поставить Гаврилова в известность и решить, как обезопасить вас и помочь вашей сестре беспрепятственно покинуть Россию. А дальше будем думать, как привлечь к ответственности депутата.

Глава 4

ПРИВАДА ДЛЯ МУЖЧИН

Трофимов стукнулся лбом о столешницу и поднял глаза на Зотову.

– Вы понимаете, что это значит? – произнес он обреченно и принялся раскачиваться на стуле, как первоклассник.

– Прекрати! – взмолилась Елена Петровна. – И так нервы ни к черту, а тут еще ты со своим стулом...

– Пардон, – вздохнул Венечка, провел рукой по русым кудрям и, уперев локти в стол, подпер ладонями свою симпатичную физиономию. – Ну и что делать будем?

Зотова вздохнула.

– Мы с тобой и не таким изюбрям рога обламывали, и тут справимся. У нас на руках первичное экспертное заключение о смерти Сколковой, где ясно сказано, что произошло убийство. И есть показания Плешнера о давлении на него в целях фальсификации выводов экспертного заключения.

– Что нам это дает? – возразил Трофимов. – В экспертном заключении не написано, кто конкретно Сколкову из окна выкинул. А показания Плешнера вообще филькина грамота. Там же не доказательства, а сплошные предположения. Какие-то люди в черном, звонки с угрозами... Плешнера в дурдом посадят за такие показания с предположениями и скажут, что так и было.

– Ладно, не кипятись, – улыбнулась Зотова. – Есть же еще Розочка. Она поможет составить фоторобот человека, который навестил ее в день, когда Плешнер загремел в больницу. Вдруг повезет? Я, конечно, не рассчитываю, что сам Каверин у нее в гостях тогда побывал, но не исключено, что его помощник.

Следователь хотела Трофимова взбодрить, но голос выдал тревогу. Лучше бы Плешнер ничего ей не рассказывал. Помог, называется... Подставил, гад! Под эшафот подвел!

Сейчас, после клинической смерти, жизнь сияла для Елены Петровны новыми красками. Хотелось насладиться весной, похудеть, убрать с лица морщины, сделать новую стрижку, выщипать брови, наконец... Мысли о преображении Зотову посещали редко. Обычно, когда на горизонте в очередной раз появлялся Варламов с охапкой роз и сумкой деликатесов. Сейчас ей просто хотелось жить, а тут такая подстава. Зотова еще в деле не разобралась толком, копнула лишь поверху, но уже чувствовала, как петля вокруг шеи затягивается. Мало того что на «хвосте» висели со вчерашнего дня, так еще с утра настроение испортили: позвонили из родственной организации и вежливо намекнули, чтобы в дело Сколковой не лезла. Надо же, какая феноменальная осведомленность! Выходит, следили за ней действительно не журналисты вовсе, а люди серьезные. Почему они всполошились вдруг? Не иначе, дело Полярной связано со смертью Сколковой мертвым узлом.

Теперь не осталось никаких сомнений, что Плешнер в своих предположениях прав: депутат Эдуард Каверин каким-то образом замешан и в деле Сколковой, и в деле Полярной. Фамилия депутата дважды мелькнула рядом с трупами. В подобные совпадения Елена Петровна не верила. Ясно одно: действовать надо предельно осторожно, чтобы не навлечь на себя гнев богов раньше времени. Для начала следует собрать по делу полную информацию, а уж потом идти на абордаж. Трофимов тоже прав: экспертное заключение и показания Плешнера ничего им не дают, кроме головной боли. Прижать Каверина не получится. Надо копать дальше.

– Главное, Гаврилов на нашей стороне, – улыбнулась Зотова. – У него жена от Полярной была в экстазе, посему он кровно заинтересован в расследовании убийства звезды, значит,

препятствовать проведению дополнительного расследования по факту смерти Сколковой не будет.

– Никогда бы не подумал, что наш Гаврюша подкаблучник, – хмыкнул опер.

– Ты просто никогда не слышал, как Гаврюша со своей Марусей разговаривает по телефону, – хихикнула Елена Петровна. – Так что работаем, Веня, широкомасштабно. Без выяснения обстоятельств гибели Сколковой, боюсь, нам в деле Евгении Полярной не разобраться. Предупреждаю: по Сколковой буду работать я, а ты усиленно делать вид, что ничего не знаешь. Сволочи продажные меня только раззадорили. Не посажу, так реноме депутату попорчу!

– Ага, сейчас, разбежался, – небрежно бросил Трофимов. – Это вас активно пасут, а я не засвечен.

– Веня, не зли меня. У тебя молодая жена и скоро будет ребенок.

– Когда? – ошарашенно спросил Трофимов, чуть не свалившись со стула.

– Скоро, Венечка, скоро, так что тебе надо себя беречь, – сказала Зотова и осенила одуревшего от новостей опера крестным знамением.

– Так вы в фигуральном смысле? – с облегчением выдохнул Трофимов.

– В житейском, – хихикнула Елена Петровна. И недовольно буркнула: – Ладно, приехали. У тебя есть версии, за каким лядом жертвы таскали на шее мешки с золой?

– Золу в мешочке рыбаки в лунку опускают, – сказал Трофимов. – Для привады рыбы.

– Замечательная версия! Полярная приехала ночью на Воробьевы горы, чтобы рыбу с моста поудить, но упала и удочку сломала, – ехидно заметила Елена Петровна, щелкнула клавишей мыши и вперила взор в экран. – Впрочем, ты недалеко от истины. Оказывается, для привады мужиков золу тоже активно используют.

– Магия? – хмыкнул Венечка, глядя на монитор. – Блин, как я это не люблю! Бабы ополумели все. Таскаются к шарлатанам всяким, а потом мужики в супе сушеные крысы хвосты находят и козьи какашки в чае.

– Были прецеденты? – ненавязчиво поинтересовалась Елена Петровна.

Эльза, жена Трофимова, была девушкой с большими странностями. Могла не только крысиный хвост в суп положить, но крысу целиком сварить и накормить насильно. В семейной жизни Венечки Трофимова бушевали страсти похлеще итальянских.

– Да вы что! – возмутился Веня. – Просто я недавно разобрался с одной супружеской парой. Баба мужика чуть на тот свет не отправила, отваживая от соперницы и от горячительных напитков разом. Его еле в Склифе откачали. К слову, бегать на сторону и бухать мужик перестал, заявление писать отказался. Правда, теперь ходит только под себя.

– Смотри-ка, – перебила Зотова опера. И зачитала выдержку из Интернета: – Если носить на шее мешочек с золой, это охранит от злых чар, несчастных случаев и болезней. Жаль, что Полярной и Сколковой обереги не помогли.

– Видать, колдун был хреновый, – сказал Трофимов.

Венечка был материалистом до корней волос и в мистику не верил. Следовательно в мистику тоже не верила, а в нынешних целителей да магов и подавно, но сейчас, проглядывая книгу по магии, испытывала неприятный озноб и злилась, что приходится вникать в магический бред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.